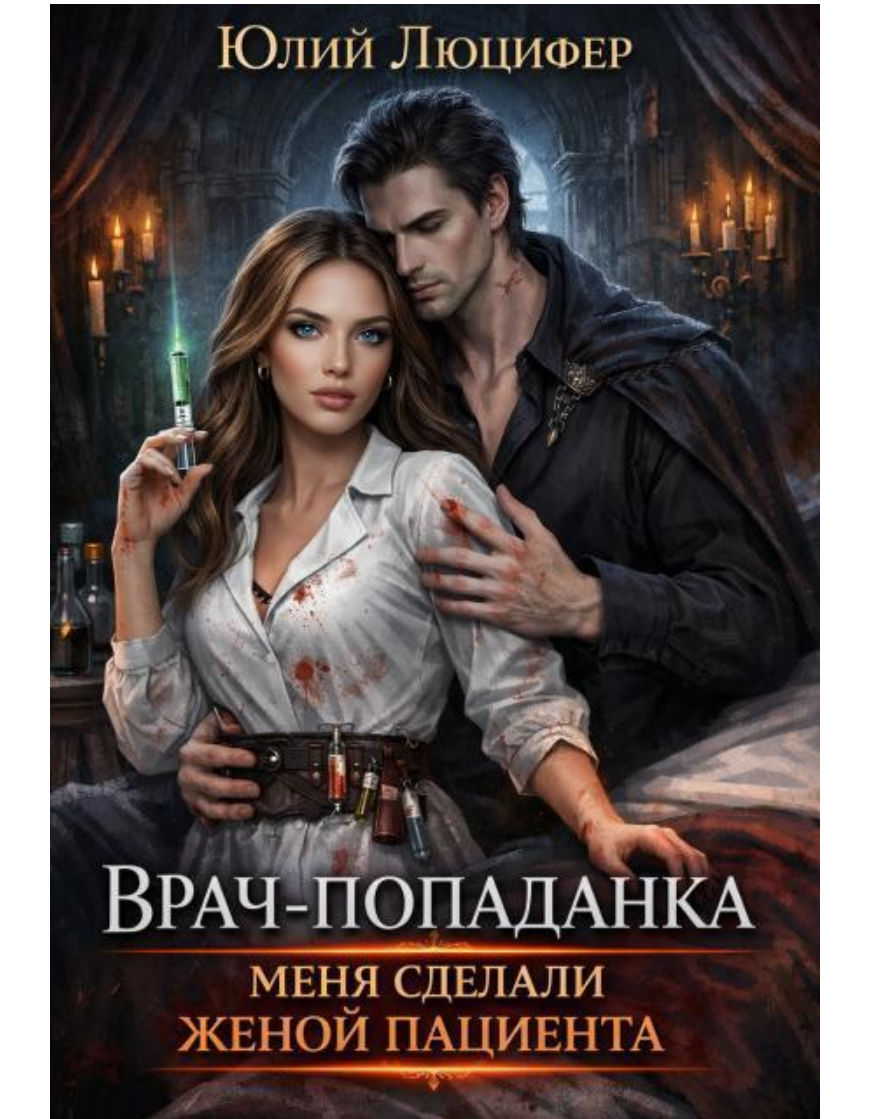

Юлий Люцифер

ВРАЧ-ПОПАДАНКА

МЕНЯ СДЕЛАЛИ
ЖЕНОЙ ПАЦИЕНТА

Юлий Люцифер

Врач-попаданка. Меня сделали женой пациента

<https://litres.ru/74221132>

Аннотация

Меня никто не спрашивал, хочу ли я становиться женой мужчины, которого в этом доме уже почти похоронили заживо.

Я просто открыла глаза в чужом теле — и в ту же ночь поняла, что мой новый муж умирает слишком удобно для всех вокруг. Слишком правильно. Слишком выгодно. Его лечили так долго и так старательно, что даже мне, врачу из другого мира, стало ясно: здесь боятся не его смерти. Здесь боятся его выздоровления.

Они ждали от меня покорности, слез и красивого вдовства. Ошиблись.

Я не собираюсь смотреть, как человека медленно превращают в беспомощную тень под видом заботы. Не для того меня сделали его женой, чтобы я молчала. Не для того я выживала в одном мире, чтобы стать удобной в другом.

Он мне не доверяет. Я ему — тоже.

Он считает меня частью чужой игры.

Я считаю его самым упрямым пациентом в своей жизни.

Но чем глубже я лезу в его “болезнь”, тем яснее понимаю: дело не только в теле. Дело в власти, деньгах, старом страхе и людях,

которые давно решили, кому здесь можно жить, а кому лучше лежать тихо и не мешать.

Меня сделали женой пациента.

Очень зря.

Содержание

Глава 1. Я очнулась в спальне, где невеста должна была сказать «да» умирающему	5
Глава 2. Мне надели кольцо раньше, чем объяснили, зачем я здесь нужна	22
Глава 3. Врач во мне раньше увидела схему лечения, чем лицо собственного мужа	38
Глава 4. Женой пациента меня сделали, но послушной вдовой я быть отказалась	56
Глава 5. В его комнате пахло не смертью, а тем, что смертью прикрывают	71
Глава 6. Мой муж открыл глаза в ту ночь, когда никто не должен был видеть его живым	85
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Глава 1. Я очнулась в спальне, где невеста должна была сказать «да» умирающему

Первое, что я почувствовала, — не боль. Запах.

Тяжелый, густой, слишком сладкий. Будто в закрытой комнате раздавили охапку белых цветов, пролили на пол крепкое вино и зачем-то пытались перебить все это ладаном. У больничных палат бывает запах страха, пота, лекарств и плохо выстиранного белья. У операционных — спирта, латекса и металла. У моргов — честности.

А здесь пахло ложью, которую очень старательно нарядили в торжество.

Я открыла глаза не сразу. Сначала попробовала пошевелить пальцами. Получилось. Потом — вдохнуть глубже. В груди неприятно кольнуло, будто корсет перетянул меня по полам. Потом уже я разлепила веки и уставилась в потолок цвета старой кости, расписанный золотыми листьями.

Прекрасно.

Если человек видит над собой такой потолок, а не привычные лампы реанимации, у него есть всего два варианта. Либо он умер с чрезмерно богатым воображением, либо судьба снова решила, что простых способов испортить мне жизнь ей недостаточно.

Я медленно повернула голову.

Комната была огромной. Шторы — тяжелые, винного цвета, в складках темнее засохшей крови. По стенам — резное дерево, темные панели, позолота. Возле камина — ширма, рядом кресло с вышитой спинкой, на столике — серебряный поднос с кувшином, чашкой и белыми цветами, от которых у меня уже начинала болеть голова. В зеркале напротив отражалась постель под балдахином и женщина, лежащая на ней в белом платье, будто ее уложили сюда либо для свадьбы, либо для похорон.

Судя по выражению моего лица в отражении, ближе было ко второму.

Я резко села — и мир качнулся. Под ребрами полоснула болью, виски сдавило, перед глазами на секунду вспыхнули черные искры. Я выругалась сквозь зубы и схватилась за край матраса.

Голос у меня оказался не мой.

Ни хрипотцы, ни привычной низкой жесткости. Чужой голос. Мягче. Моложе. Слишком красивый для моего настроения.

— Госпожа!

Дверь распахнулась с такой скоростью, словно за ней давно ждали именно этого момента. В комнату влетела девушка в темно-сером платье и белом переднике. Молодая, бледная, с круглыми испуганными глазами. Она замерла в шаге от кровати, вцепившись в юбку так, будто я могла укусить.

— Не подходи, — сказала я автоматически.

Она застыла еще сильнее.

Правильно. Люди в испуге часто бывают послушнее, чем в преданности.

Я посмотрела на свои руки.

Тонкие запястья. Светлая кожа. Ногти ухоженные, длиннее, чем я когда-либо себе позволяла. На безымянном пальце правой руки — тонкий след, будто кольцо сняли совсем недавно. Не мозоли хирурга. Не мои руки. Даже в полубреду я знала это слишком ясно.

Память вспыхнула коротко и зло.

Ночная смена. Дежурство, которое затянулось на лишние шесть часов. Мужчина на каталке, сорвавшийся пульс, чей-то крик: «Дефибриллятор!» Белый свет. Чужая кровь на моих перчатках. Резкий удар, будто ток прошел не через него, а через меня. И пустота.

Дальше — вот это.

Платье. Цветы. Золото. Испуганная служанка. И чувство, что я очнулась посреди чужого спектакля в самый неудобный момент.

— Как меня зовут? — спросила я.

Девушка моргнула так часто, что я почти услышала шелест ресниц.

— Госпожа?.. — переспросила она шепотом.

— Меня. Как. Зовут.

Слова я произнесла ровно, но в них все равно прозвенело

что-то такое, отчего она побледнела еще сильнее.

— Леди Эстер.

Не я.

Ну хоть честно.

— А тебя?

— Мира.

— Хорошо, Мира. Теперь объясни, почему я лежу в этом наряде так, будто меня сейчас либо выдадут замуж, либо вынесут вперед ногами.

Она вскинула на меня взгляд, полный настоящего, животного ужаса.

Вот это уже было интересно.

— Госпожа... до церемонии осталось меньше часа.

Я молча посмотрела на нее.

Иногда тишина работает лучше любого крика. Человек начинает сам додумывать, что именно ты сейчас с ним делаешь, и обычно ошибается в худшую для себя сторону.

— До какой церемонии? — уточнила я.

Мира стиснула руки так, что костяшки побелели.

— До вашего брака с лордом Рейнаром Валтером.

Разумеется.

Не могла же я очнуться просто в чужом теле. Нет. Нужно было сразу в теле невесты и желательно за час до свадьбы с человеком, о котором я ничего не знаю.

Я спустила ноги с кровати. Пол оказался ледяным даже через тонкую ткань чулок. Голова еще кружилась, но уже

меньше.

— Зеркало, — сказала я.

Мира дернулась, будто не поняла.

— Что, простите?

— Я хочу посмотреть на лицо женщины, за которую меня собираются сегодня выдать.

Она замялась, но спорить не посмела. Я встала сама и дошла до зеркала медленно, контролируя каждый шаг. Тело было слабым, но не разваливалось. Не похоже на длительную горячку. Скорее на истощение, недосып и, возможно, чем-то притупленную реакцию. Походка чуть вязкая, в голове легкий туман, язык сухой. Это я отметила машинально, прежде чем увидела отражение.

Из зеркала на меня смотрела красивая женщина.

И это было почти оскорбительно.

Я привыкла к своему лицу — не кукольному, не мягкому, с прямым носом, усталым взглядом и тем выражением, которое появляется у людей, давно переставших ждать от жизни вежливости. А здесь были высокие скулы, густые темные волосы, глаза светлые, тревожно-серые, рот, которому бы больше подошла насмешка, чем растерянность. Красивая шея. Слишком бледная кожа. И платье невесты, сидящее на этой женщине так, будто ее готовили не к браку, а к выгодной демонстрации.

Я коснулась пальцами щеки. Отражение сделало то же самое.

Чужая.

Но уже моя проблема.

— Кто такая леди Эстер? — спросила я, не отрывая взгляда от зеркала.

Мира молчала слишком долго.

— Та-а-к, — протянула я. — Начнем сначала. Кто она, за кого ее выдают и почему у тебя вид такой, будто ты сейчас сама сбежишь через окно?

— Госпожа Эстер — дальняя родственница покойной леди Валтер... — проговорила она, запинаясь. — Вас привезли сюда три недели назад. Сказали, что брак был решен семьей. Что лорду нужна жена.

— Жена? — переспросила я. — Или сиделка при состоянии, которое не хотят называть вслух?

Мира вскинула голову. В ее глазах мелькнуло нечто быстрое, как игла под ногтем.

Попала.

— Он правда болен? — спросила я.

Она сглотнула.

— Лорд уже давно не выходит из своих покоев.

— Чем болен?

— Никто не говорит прямо.

— А ты видела его?

— Только однажды. Издалека.

— И?

Мира отвела глаза.

— Он был... очень бледный.

Это описание годится и для трупа, и для аристократа, не видевшего солнца. Я сжала переносицу. Внутри уже поднималась знакомая раздраженная собранность — та самая, что помогала мне сохранять голову ясной, когда вокруг орали родственники пациента, начальство требовало отчет, а счет шел на минуты.

Паниковать можно потом. Сейчас нужна информация.

— Кто меня готовил к этой свадьбе? Кто снимал кольцо? Кто давал мне что-то пить?

Мира побледнела так заметно, что я едва не усмехнулась.

— Значит, давали, — сказала я. — Что именно?

— Я... я не знаю названия, госпожа. Настой приносил мастер Орин. Он сказал, что вы слишком волнуетесь и вам нужно успокоиться.

— Мастер Орин — это лекарь?

— Да.

Прекрасно. У нас уже есть местный коллега, которого я заранее не люблю.

Я подошла к столику, взяла кувшин, понюхала воду. Обычная. Потом подняла чашку. На дне оставался едва заметный осадок. Я провела пальцем, поднесла к носу. Горьковатый травяной след, знакомый не до названия, а до класса: седативный сбор с чем-то еще. Не слишком сильным, но достаточным, чтобы сделать женщину сговорчивее и медленнее.

— Давно мне это дают?

— Несколько дней, госпожа.

— А если я откажусь идти к алтарю?

Вопрос был задан почти лениво. Но Мира побледнела так резко, будто ее сейчас ударят.

— Вас все равно поведут, — прошептала она.

Я медленно поставила чашку на стол.

Вот это уже нравилось мне меньше.

— Значит, невеста здесь — это не человек, а часть мебели, которую переставляют в нужный угол?

— Госпожа, тише... — Мира метнулась к двери, будто сами стены могли донести на нас. — Прошу вас, не говорите так. Здесь нельзя.

— Здесь нельзя, — повторила я. — Здесь, я так понимаю, много чего нельзя. Нельзя отказываться. Нельзя задавать вопросы. Нельзя знать, чем болен жених. Нельзя даже не выпить то, чем тебя успокаивают. Очень уютное место.

Я снова посмотрела в зеркало.

Белое платье с тонкой вышивкой по лифу. На вид дорогое, почти невинное. Но корсет стягивал грудную клетку так, будто у этого наряда была отдельная задача — не дать женщине дышать слишком свободно. На шее — тонкая цепочка с маленьким жемчугом. Волосы уложены слишком тщательно. Кто-то правда старался сделать из Эстер красивую картинку.

И все-таки что-то не сходилось.

Если мужчине, который годами не встает с постели, срочно нужна жена — для чего? Для наследства? Для подписи? Для ритуала? Для того, чтобы через месяц она стала молодой вдовой и уже с правом на какое-нибудь имущество, которое легко отобрать обратно? Или наоборот — чтобы все досталось ей на бумаге, а управлять продолжили другие?

Слишком мало данных.

Я взяла со столика серебряный нож для писем и осторожно провела по внутренней стороне запястья. Не рая, а проверяя реакцию. Кожа отозвалась легко. Чувствительность нормальная. Потом оттянула нижнее веко. Слизистая чуть бледная. Недоедание? Потеря крови? Длительный стресс? Язык действительно сухой. Сердце бьется чаще нормы, но не в панике. Организм слабый, но не тяжелобольной.

Значит, на алтарь меня должны были вести не в коме, а просто достаточно смирной.

Очень жаль для них, что я проснулась не вовремя.

— Госпожа... — осторожно позвала Мира.

— Где он?

— Кто?

— Мой будущий муж. Пациент, ради которого меня нарядили в белое. Где его держат?

Она замерла.

— В восточном крыле. Туда вам нельзя до церемонии.

— А после церемонии можно?

— Вы будете обязаны там находиться.

Вот оно.

Жена, которой сначала нельзя видеть жениха, а потом она обязана быть при нем. Не брак. Назначение.

— Он в сознании? — спросила я.

— Иногда.

— Судороги? Лихорадка? Паралич? Потеря речи?

Мира уставилась на меня так, будто я заговорила на языке древних духов.

— Не знаю... иногда у него бывают приступы. И после них в доме все боятся даже говорить громко.

Приступы. Отлично. Уже что-то.

— А возраст?

— Тридцать два, госпожа.

То есть не дряхлый старик, не мальчик. Мужчина в расцвете сил, которого уже давно держат запертым в своих покоях, и семье срочно понадобилась жена. Сюжет пах не трагедией, а расчетом.

Я подошла к окну и раздвинула тяжелую штору.

За стеклом был мрачный двор, мокрый после недавнего дождя. Каменные стены, темные башни, узкие дорожки, по которым сновали слуги. Небо низкое, сизое, как перед грозой. Ни следа веселья, которое обычно сопровождает свадьбу. Ни гостей с лентами. Ни музыки. Ни цветов внизу. Ничего.

Только два человека в черном у арки и карета с гербом — темный зверь на серебре, не то волк, не то какая-то местная

дрянь с клыками.

Свадьба, на которую никто не радуется прийти. Обнадеживающе.

— Кто в этом доме главный? — спросила я.

— Сейчас... леди Марвен, тетка лорда.

— А мастер Орин?

— Он живет здесь с тех пор, как лорд слег.

Еще лучше.

Я обернулась к Мире.

— Послушай меня внимательно. С этого момента ты либо говоришь мне правду, либо очень скоро окажешься крайней в доме, где крайних, судя по всему, любят. Поэтому отвечай без красивостей. Леди Эстер хотела этого брака?

Мира закрыла глаза на секунду. Потом еле слышно сказала:

— Нет.

— Она пыталась отказаться?

— Да.

— И что сделали?

— Ей сказали, что это долг семьи. Потом... потом она плакала. Потом мастер Орин велел давать настой.

Я стиснула челюсть.

Не люблю плачущих невест. Не потому что презираю слезы. А потому что слезы почти всегда означают, что рядом есть люди, считающие чужую беспомощность законным удобством.

— Она умерла? — спросила я прямо.

Мира вскинула на меня испуганный взгляд.

— Что?

— Леди Эстер. Настоящая. Она умерла, и я заняла ее тело? Или ты думаешь, я просто ударилась головой и стала задавать слишком умные вопросы?

Комната будто стала тише.

Мира смотрела на меня так, словно не понимала, бояться ей сильнее или начать молиться.

— Я не знаю, что с вами случилось утром, — прошептала она. — Вы потеряли сознание, когда вас затягивали в платье. А потом... потом очнулись уже другой.

— Другой — это какой?

— Вы... перестали бояться.

Я почти усмехнулась.

Вот это, пожалуй, было самым точным диагнозом за утро. В дверь постучали.

Не робко. Коротко и властно. Так стучат люди, уверенные, что все за этой дверью уже принадлежит им по праву.

Мира вздрогнула.

— Госпожа, это, наверное...

— Открывай.

В комнату вошла женщина лет пятидесяти, сухая, высокая, в черном шелке с темно-фиолетовой вышивкой. Волосы убраны так туго, будто она ненавидела даже возможность беспорядка. Лицо красивое той жесткой породой красоты,

которая давно отказалась от тепла как от лишнего расхода. За ней — мужчина в темно-зеленом камзоле, худой, с длинными пальцами и умными усталыми глазами. Лекарь, не сомневалась.

Женщина скользнула по мне взглядом и едва заметно подняла бровь.

— Я рада, что обморок не сорвал нам день, леди Эстер, — сказала она. — Впрочем, вы выглядите... иначе.

— А вы, полагаю, леди Марвен, — ответила я.

Ее удивление длилось долю секунды. Потом лицо снова стало гладким.

— Память к вам вернулась выборочно, как я вижу.

— А у меня было что терять?

Мужчина рядом с ней кашлянул, прикрывая неловкость. Я посмотрела на него.

— Мастер Орин?

— К вашим услугам, миледи.

— Не помню, чтобы просила ваших услуг. Но, судя по запаху в чашке, вы и так были слишком активны.

Мира чуть не уронила взгляд в пол. Леди Марвен застыла. Орин моргнул с тем самым тонким врачебным раздражением, какое появляется у коллег, когда пациент внезапно оказывается не совсем идиотом.

— Вы были очень взволнованы, — мягко сказал он. — Я лишь хотел облегчить ваше состояние.

— Правда? — спросила я. — Тогда в следующий раз,

прежде чем облегчать мое состояние, хотя бы предупредайте, чем именно пытаетесь сделать меня удобнее.

Леди Марвен сделала шаг вперед.

— Думаю, достаточно, — произнесла она сухо. — Сегодня день, когда вам следует помнить о своей роли, а не позволять себе капризы.

Я повернулась к ней полностью.

— Каприз — это когда женщина требует другой букет. А когда женщину без ее воли ведут к постели мужчины, которого она даже не видела, это уже не каприз, леди Марвен. Это схема.

В комнате стало так тихо, что я услышала, как в камине треснули поленья.

Орин опустил глаза первым. Не из стыда, конечно. Из расчета. Такие люди всегда сначала считают, сколько стоит следующая фраза.

Леди Марвен улыбнулась. Очень слегка. Очень холодно.

— Вам не повредит помнить, — сказала она, — что этот брак спасает ваше будущее.

— От чего именно? — спросила я. — От свободы?

Она не ответила.

А я получила ответ и без слов.

— Через сорок минут начнется церемония, — продолжила она. — Лорд Рейнар будет ждать в малом храме. Вам остается только достойно выполнить то, что решено старшими.

— Он сам это решал? — спросила я.

— Лорд болен.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который вам необходим.

Я усмехнулась.

— Как удобно. Когда мужчина при смерти, за него говорят все, кому выгодно, чтобы он молчал дальше.

Теперь Орин посмотрел на меня внимательнее. Уже не как на нервную невесту. Как на проблему.

Прекрасно. Я любила ясность.

— Миледи, — сказал он мягче прежнего, — сильные эмоции перед церемонией могут навредить вашему состоянию. Я бы советовал выпить еще несколько капель успокоительного.

— А я бы советовала вам сначала выпить это самому, — ответила я. — Чтобы доказать мне безопасность состава.

Мира едва заметно втянула воздух. Леди Марвен смотрела так, будто мысленно уже выбирала, чем меня наказывать после церемонии. Но я не отвела взгляда.

Пусть запомнят сразу: я не вещь, которую можно поставить в нужный угол и прикрыть кружевом.

— Готовьте госпожу, — бросила леди Марвен Мире. — И проследите, чтобы больше не было сцен.

Она развернулась так резко, что юбка зашуршала по ковру, как сухая трава перед пожаром. Орин задержался на секунду.

— Вы многого не понимаете, миледи, — сказал он тихо.

— Это поправимо, — ответила я. — А вот ваше лицо, если вы еще раз попытаетесь меня одурманить без спроса, может уже не повезти.

Он ушел молча.

Дверь закрылась.

Мира смотрела на меня почти с ужасом.

— Госпожа... зачем вы так?

Я снова подошла к окну.

Во дворе мужчины в черном уже двигались к боковой лестнице. На одной из верхних галерей мелькнула тень — высокий силуэт, который тут же исчез. Слишком быстро, чтобы я успела разглядеть.

— Потому что, Мира, — сказала я, не оборачиваясь, — если меня ведут замуж за умирающего, о болезни которого все говорят шепотом, а лекарь поит меня дрянью, чтобы я не задавала вопросов, значит, здесь давно привыкли, что женщины молчат. А я сегодня проснулась очень неудачной женщиной для такого дома.

Она ничего не ответила.

Я положила ладонь на холодное стекло и впервые позволила себе выдохнуть глубже.

Страха не было. Было другое.

Злость. Собранность. Профессиональный азарт, от которого у нормальных людей портится характер, а у врачей иногда спасаются те, кого уже списали.

Меня собирались отвести к мужчине, которого весь дом

считал почти мертвым. Меня нарядили так, будто белый цвет способен превратить насилие в традицию. Меня хотели сделать тихой, растерянной и благодарной за то, что мне вообще позволили остаться в живых внутри чужой судьбы.

Не повезло.

Я поправила рукав, посмотрела в зеркало на свое новое лицо и спокойно сказала:

— Ну что ж. Посмотрим, кого именно они там приготовили мне в мужья.

И почему-то именно в этот момент я впервые ясно поняла: самое опасное в этой свадьбе — не то, что жених может умереть.

Самое опасное — что он, возможно, еще способен выжить.

Глава 2. Мне надели кольцо раньше, чем объяснили, зачем я здесь нужна

Мира затягивала на мне перчатки с таким видом, будто готовила не невесту, а жертву к ритуалу, в котором приличным людям лучше не участвовать даже взглядом. Я не мешала. Когда человек боится, он либо врет слишком много, либо проговаривается на мелочах. Мне сейчас были полезны оба варианта.

— Кто будет в храме? — спросила я, пока она поправляла кружево на рукаве.

— Немногие, госпожа. Леди Марвен. Мастер Орин. Управляющий. Два свидетеля от дома. И священник.

— Семья жениха не любит шумных праздников?

Мира опустила глаза.

— Когда лорд заболел, в доме перестали любить многое.

— А семья невесты?

Она замялась.

— Никто не приехал.

Я усмехнулась.

— Как трогательно. Продали — и даже провожать не стали.

Мира вздрогнула, но не возразила. Значит, попала и здесь.

Она закрепила в волосах тонкую жемчужную шпильку и отступила на шаг. В зеркале отражалась женщина, которую старательно превратили в торжественную ложь: белое платье, бледное лицо, светлые глаза, слишком спокойный рот. Снаружи — невеста. Внутри — врач, которой очень не нравилось, что ее ведут к пациенту без анамнеза.

— У Эстер были подруги? — спросила я.

— Нет, госпожа.

— Любовник? Тайная надежда? План побега?

Мира так испуганно уставилась на меня, что я почти пожалела девочку. Почти.

— Простите, я не знаю.

— А письма? Она кому-нибудь писала?

— Все, что приходило, забирала леди Марвен. Говорила, что передаст сама.

Вот и еще один штрих к этой уютной семейной картине. Если женщине контролируют даже переписку, дело давно пахнет не заботой, а хозяйским поводком.

Я взяла со столика тонкую вуаль, повертела в пальцах и положила обратно.

— Это надевать не буду.

— Но так положено...

— Тем более. Я и так здесь единственный человек, которого никто ни о чем не спросил. Не хочу еще и смотреть на свою свадьбу через кружево.

Снизу ударил глухой звук колокола. Один. Два. Медлен-

но, будто дом заранее отмерял кому-то последние минуты.

Мира побледнела.

— Пора, госпожа.

— Разумеется. Такие вещи всегда приходят вовремя, в отличие от здравого смысла.

Она открыла дверь. В коридоре уже ждали двое лакеев в черном и пожилая женщина с кислым лицом, явно поставленная сюда следить, чтобы невеста не решила внезапно обзавестись собственной волей. Я оглядела ее с головы до ног и спокойно сказала:

— Если кто-то собирается хватать меня под локоть, заранее предупреждаю: сломаю палец.

Пожилая женщина поджала губы. Один из лакеев кашлянул, пряча смехок. Уже хорошо. Даже в доме, где все ходят как на похоронах, кто-то еще способен оценить интонацию.

Меня повели по длинному коридору, где на стенах висели портреты людей с одинаково тяжелыми лицами. Род Валтеров, судя по всему, веками совершенствовал искусство смотреть так, будто весь мир задолжал ему покой, деньги и послушание. Мужчины — в темных мундирах и бархате, женщины — с холодными шеями и глазами, которыми удобно одобрять казни. Несколько портретов были затянuty траурной лентой. Один, женский, заставил меня сбавить шаг.

Молодая темноволосая женщина в серебристом платье сидела в кресле, положив ладонь на подлокотник так, словно устала даже от собственной грации. Лицо красивое, но

не нежное. Взгляд прямой, почти упрямый. Подпись внизу я прочитать не успела — пожилая надзирательница тут же подалась ко мне.

— Не стоит задерживаться, миледи.

— А это кто? — спросила я.

— Первая леди Валтер.

— Покойная?

— Да.

— Умерла тоже очень вовремя?

Женщина побледнела так быстро, словно я ткнула пальцем в открытую рану. Значит, снова не мимо.

— Идемте, миледи, — процедила она.

Мы спустились по широкой лестнице, где даже шаги звучали приглушенно, будто дом не любил лишнего шума. Внизу пахло воском, влажным камнем и тем же тяжелым цветочным духом, который преследовал меня с пробуждения. Я уже начала его ненавидеть. Запах, которым пытаются замаскировать правду, рано или поздно впитывается в стены.

Малый храм располагался в боковом крыле. Не отдельное светлое помещение для радости, а тесный каменный зал с узкими окнами и серым полом, по которому тянулись темные полосы старого узора. Свечей было много, но они не делали это место теплее. Скорее наоборот. Свет здесь казался чем-то вроде свидетельства: мы все видим, что происходит, и все равно молчим.

У алтаря уже стояли те, кого перечислила Мира. Леди

Марвен — в черном, как дурная мысль. Орин — в темно-зеленом, с лицом человека, который заранее хочет оказаться правым. Священник — сухой, почти прозрачный старик с длинными пальцами. Управляющий — невысокий, плотный, с осторожными глазами человека, пережившего слишком много чужих скандалов. И двое мужчин у стены — свидетели, судя по безразличным лицам, привыкшие подпирать собой любую церемонию, пока она выгодна дому.

Я обвела храм взглядом и только потом увидела его.

Лорд Рейнар Валтер сидел не у алтаря, а в кресле с высокой спинкой, поставленном чуть в стороне, будто и здесь ему отвели место между жизнью и мебелью. Первой я заметила руку — длинную, слишком неподвижную, лежащую на темном подлокотнике. Потом лицо.

Мира сказала правду только в той части, где не хватило слов.

Он не был похож на человека, которого вот-вот похоронят. Такие лица не умирают тихо. Они либо выживают на зло, либо забирают с собой тех, кто пытался их списать.

Темные волосы, слишком длинные для человека, давно прикованного к комнате. Резкие скулы. Бледная кожа, но не меловая, а натянутая поверх злой выносливости. Губы жесткие. На виске — едва заметная жилка. И глаза.

Вот глаза были живыми.

Не затуманенными. Не слабыми. Не больными в том смысле, который мне пытались продать. Усталые, да. Опас-

ные, безусловно. И до отвращения ясные. Они поднялись на меня, как нож, который долго лежал под водой, но не заржавел.

Я остановилась.

Он тоже смотрел молча.

Между нами было шагов десять. И все эти десять шагов вдруг стали единственным честным пространством в доме, где лгали все, кроме человека в кресле и меня.

— Миледи, — одними губами напомнила надзирательница.

Я двинулась вперед.

Если они рассчитывали увидеть трепещущую невесту у смертного ложа, им стоило подобрать для этой роли кого-нибудь поговорчивее. Я подошла почти вплотную, остановилась и только тогда позволила себе рассмотреть его как врач.

Худой. Но не истощенный до края. Тень под глазами глубокая, губы сухие, дыхание ровное, без хрипов. Зрачки нормальные. Кожа бледная, но без желтушности. На правой руке, ближе к запястью, следы старых уколов. На шее под воротником — тонкая синеватая линия вены, слишком заметная для человека, которого «бережно лечат» и кормят правильно. Слабость — да. Разрушение — не такое, какое бывает естественным.

Он видел, что я смотрю не как невеста.

И это ему не понравилось.

— Вы и есть мое утешение на случай смерти? — спросил

он хрипло, но внятно.

В храме стало тихо так быстро, словно кто-то задушил звук руками.

Я медленно перевела взгляд с его запястья на лицо.

— Сначала хотела спросить, вы и есть мой жених, — ответила я. — Но, судя по интонации, с ясностью сознания у вас неожиданно лучше, чем всем вокруг было удобно.

Управляющий кашлянул. Один из свидетелей отвернулся. Леди Марвен застыла каменной статуей. Орин смотрел уже не на меня — на Рейнара. Проверял. Боялся. Считал.

А вот сам лорд чуть сощурился.

— Кто вас прислал? — спросил он.

— Судя по платью, целая группа людей с дурным вкусом и очень большими планами на ваше будущее.

Священник нервно переложил книгу из руки в руку.

— Милорд, миледи, — пробормотал он, — церемония...

— Церемония подождет, — сказал Рейнар, не отрывая от меня взгляда. — Я спросил: кто вас прислал?

У него был голос человека, привыкшего приказывать даже с края пропасти. Не истеричный, не слабый. Сдержанный так плотно, что злость в нем почти звенела.

— Я бы с удовольствием ответила, если бы мне самой кто-нибудь это объяснил, — сказала я. — Пока вводные такие: очнулась час назад. В чужом теле. В платье невесты. С седативным осадком на дне чашки. И с очень интересным пациентом в финале маршрута.

У священника дрогнула рука. Мира у двери, кажется, перестала дышать. Леди Марвен шагнула вперед.

— Достаточно, — произнесла она. — Лорд нездоров, и ему вредны подобные разговоры.

— Зато вам, как я вижу, вредно все, что похоже на правду, — ответила я не оборачиваясь.

— Миледи, вы забываетесь.

— Нет. Это в этом доме слишком многие привыкли, что женщины рядом забывают себя сами.

Рейнар коротко усмехнулся. Почти незаметно. Но я увидела.

И Марвен тоже.

Вот это ей совсем не понравилось.

— Начинайте, отец Стефан, — холодно велела она. — Лорд устал.

Священник поспешно открыл книгу. Я стояла рядом с креслом, и мне впервые по-настоящему захотелось перевернуть весь этот алтарь к черту. Не из нежности к мужчине, которого я видела первый раз в жизни. Из профессионального бешенства. Потому что они устроили церемонию так, будто он не человек, а печать на семейной бумаге. Потому что меня притащили сюда как прокладку между чужой выгодой и чужой смертью. Потому что все вокруг надеялись на послушный сценарий.

Я ненавижу чужие сценарии, если меня забывают предупредить о роли.

— Прежде чем мы продолжим, — сказала я громко, — я хочу знать: лорд дает согласие сам?

Священник побледнел. Марвен медленно повернулась ко мне, будто прикидывала, как удобнее будет закопать меня на заднем дворе.

— Это неприлично, — процедила она.

— Неприлично — делать вид, что человек согласен, если за него все говорят родственники и лекарь.

— Вы переходите границы.

— А вы, судя по всему, давно их продали.

Орин шагнул ближе.

— Миледи, сейчас не время для вспышек. Ваше состояние...

— Мое состояние? — я наконец посмотрела на него. — Моему состоянию мешают только два фактора: ваш настой и ваше лицо.

На этот раз смешок сорвался уже у второго свидетеля. Он тут же прикрыл рот, но поздно. В храме впервые появилась жизнь — кривая, опасная, но живая. Марвен бросила на него взгляд, от которого молоко должно было сворачиваться прямо в желудке.

Рейнар по-прежнему смотрел только на меня.

— Вы врач, — сказал он вдруг.

Это не был вопрос.

Я чуть повернула голову.

— А вы не так беспомощны, как им хотелось бы.

Между нами словно натянулась новая нить. Не доверие. До него было далеко. Скорее быстрое узнавание чужого сопротивления. Он услышал во мне не испуганную невесту. Я увидела в нем не умирающий груз для удобной вдовы.

— Я даю согласие сам, — произнес Рейнар, все еще глядя на меня. — Этого достаточно?

Нет, подумала я. Для меня недостаточно вообще ничего из происходящего. Но вслух сказала другое:

— Для начала — да.

Священник закивал так быстро, будто ему пообещали оставить голову на плечах. Он заговорил — о союзе, доме, долге, милости богов, — но я слушала вполуха. Вместо слов отмечала детали.

На левой манжете Рейнара — след свежего пятна, будто разлили что-то темное и торопливо замыли. На указательном пальце — тонкий белый шрам. На шее, под жестким воротом рубашки, едва заметная пульсация. Он уставал держать спину прямо, но держал. Не хотел давать им ни одного лишнего признака слабости. Я знала такой тип пациентов. Самые неудобные. Самые живучие.

Когда священник велел подать кольца, их вынесли на черной подушке. Красиво. Торжественно. Как будто это не сделка при посторонних, а союз двух людей, которым просто не терпится провести вместе остаток жизни.

— Милорд, — сказал священник, — если угодно...

Рейнар протянул руку. Пальцы чуть дрогнули, но не от

страха — от усилия. Я вдруг ясно увидела, как дорого ему обходится даже это движение. Не театрально дорого. По-настоящему.

Кольцо было холодным. Тяжелым. Из темного золота, с узкой гравировкой по ободу. Он поднял на меня взгляд.

— Если сейчас скажете бежать, — тихо произнес он, так, чтобы слышала только я, — я даже попробую встать.

Я посмотрела на него в ответ.

— Если сейчас скажу правду, ваш дом рухнет раньше, чем вы дойдете до двери.

В его глазах мелькнуло что-то очень похожее на мрачное удовлетворение.

— Тогда не портите им удовольствие слишком рано, миледи.

И надел мне кольцо.

Металл сомкнулся на пальце так плотно, будто ждал именно этого жеста. По коже прошел короткий, почти незаметный жар. Не магический фейерверк, не гром с небес. Просто очень неприятное ощущение, будто что-то в этом доме наконец щелкнуло на нужное место.

Я взяла второе кольцо.

Его рука оказалась холоднее, чем я ожидала. Не мертвенно, а так, как бывает у людей, чье тело долго живет в режиме экономии. Пульс под кожей чувствовался отчетливо. Слишком отчетливо для человека, которому пытаются продать образ почти покойника.

Я надела кольцо ему на палец.

В эту секунду он едва заметно сжал мою руку.

Не ласково. Не благодарно. Предупреждающе.

Я поняла правильно: здесь нельзя никому верить.

— По праву дома и под небесным свидетельством, — за-
тараторил священник, — объявляю вас супругами.

Никто не захлопал. Никто не улыбнулся. Даже свечи, ка-
жется, горели с выражением усталого неодобрения.

Леди Марвен первой нарушила тишину:

— Церемония окончена. Миледи сопровождают в восточное
крыло. Отныне ваш долг — быть при муже.

— Какой неожиданно ласковый способ сказать «не отхо-
дить от пациента», — заметила я.

— Вы жена, — холодно сказала она.

— Я врач.

— Здесь это не имеет значения.

— Для вас — возможно.

Я повернулась к креслу Рейнара.

— Вы можете идти сами?

Вопрос был простым. Честным. И потому снова вызвал в
храме ту неприятную паузу, в которой правда успевает по-
казать зубы.

Рейнар ответил тоже честно:

— Если очень нужно кого-то разочаровать — да.

— Отлично, — сказала я. — Тогда предлагаю начать се-
мейную жизнь с малого. Давайте посмотрим, кто из нас дво-

их хуже переносит этот фарс.

Один из свидетелей снова кашлянул, даваясь смехом. Управляющий быстро опустил голову. Даже священник на секунду прикрыл глаза, словно мысленно просил своих богов больше не ставить его на такие церемонии.

Марвен подошла слишком близко.

— Помните свое место, миледи.

Я посмотрела на нее сверху вниз — не по росту, а по строению.

— В данный момент, леди Марвен, мое место рядом с вашим племянником. И, судя по лицам вокруг, именно это вас бесит больше всего.

Ее пальцы дрогнули. Значит, опять в цель.

К креслу уже шагнули двое слуг, но Рейнар едва заметно повернул голову, и оба остановились. Один взгляд — и люди, привыкшие таскать его как часть обстановки, замерли. Полезное наблюдение.

Он поднялся сам.

Медленно. Очень медленно. Я видела, как напряжена каждая мышца, как злится его тело на сам факт движения. Как на секунду темнеет взгляд. Как правая нога отзывается хуже левой. Но он встал.

И весь храм будто тоже встал на дыбы.

Марвен побелела. Орин сделал полшага вперед и тут же остановился. Священник сжал книгу. Слуги у двери опустили глаза.

Вот теперь я поняла все окончательно.

Они не просто боялись его смерти.

Они боялись дня, когда он начнет вставать без разрешения.

Рейнар стоял, опираясь одной рукой на спинку кресла. Высокий. Слишком худой, чтобы казаться полностью здоровым, и слишком живой, чтобы дальше играть роль умирающего украшения рода. Он бросил на тетку один короткий взгляд.

— Восточное крыло, — сказал он. — Моей жене, полагаю, туда теперь можно.

Это прозвучало почти как удар.

Марвен медленно кивнула. Улыбнуться она даже не пыталась.

— Разумеется, милорд.

Милорд.

Не «бедный мальчик». Не «больной». Не «ему тяжело». Когда он встал, титул вернулся в ее голос быстрее, чем кровь в лицо.

Я запомнила.

Рейнар повернулся ко мне.

— Вы идете, миледи?

— Я же сказала, — ответила я. — Я уже слишком далеко зашла, чтобы бросить интересный случай.

На этот раз усмешка в его глазах была явной. Очень короткой. Очень злой. Но живой.

Мы двинулись к выходу медленно. Я шла рядом, не подхватывая его под руку без спроса. Он не просил помощи, а я не навязываю ее тем, кто еще держится на злости. Это базовое уважение к тяжелым пациентам и опасным мужчинам.

У самой двери он сказал почти шепотом:

— Если вы правда не знаете, зачем вас сюда притащили, советую начать бояться.

Я не повернула головы.

— Поздно. Я уже начала злиться.

— Это еще хуже.

— Для кого?

Он посмотрел на меня искоса.

— Пока не понял.

Мы вышли из храма в длинную галерею, где окна тянулись узкими прорезями вдоль стены. Свет был серый, холодный, и на каменном полу наши тени казались чужими. Позади оставались свечи, алтарь, тетка, лекарь и вся их аккуратно сшитая ложь. Впереди было восточное крыло и комната человека, на которого я теперь имела формальное право смотреть без разрешения.

Удобно.

Очень удобно.

Я опустила взгляд на кольцо на своей руке. Темное золото. Чужой герб. Чужой брак. Чужая жизнь, которую мне всучили без инструкции.

Мне надели кольцо раньше, чем объяснили, зачем я здесь

нужна.

И, похоже, это была их первая серьезная ошибка.

Глава 3. Врач во мне раньше увидела схему лечения, чем лицо собственного мужа

Восточное крыло встретило нас не тишиной, а той особой приглушенностью, в которой живут дома, давно привыкшие к тяжелой болезни. Здесь даже воздух был другим — прохладнее, суше, с легким привкусом трав, воска и чего-то металлического, едва уловимого. Не кровь. Не совсем. Скорее след долгого лечения, которое слишком часто проходило рядом с закрытыми дверями.

Рейнар шел медленно, но сам. Я слышала, как за нами на расстоянии держатся слуги, слишком хорошо обученные, чтобы навязывать помощь без приказа, и слишком любопытные, чтобы уйти совсем. Меня это устраивало. Лишние уши иногда полезнее лишних союзников: при них люди осторожнее лгут.

Галерея тянулась вдоль внутреннего двора. Слева — высокие окна, справа — двери, почти все запертые. На полу темный ковер, скрывающий звук шагов. На стенах — бра с закрытыми плафонами, дающими матовый, неживой свет. Не крыло больного. Крыло человека, которого держат отдельно и под наблюдением.

— Уютно, — сказала я. — Почти как в хорошем частном

отделении. Только меньше честности.

Рейнар не сбавил шага.

— Вы всегда разговариваете, когда нервничаете?

— Нет. Только когда кто-то слишком старательно пытается делать вид, будто все в порядке.

— А сейчас не в порядке?

— Меня выдали замуж меньше часа назад за мужчину, которого я впервые увидела у алтаря. Ваша семья боится не вашей смерти, а вашего выздоровления. Ваш лекарь поил меня чем-то, чтобы я была поговорчивее. Так что нет, милорд. Не в порядке.

Он коротко усмехнулся. Без веселья.

— Милорд.

— Вам не нравится?

— Мне не нравится, когда люди, которых я вижу впервые, делают вид, будто уже знают, как ко мне обращаться.

— Хорошо. Тогда как мне вас называть? Рейнар? Пациент? Главная причина, по которой этот дом пахнет заговором?

Он бросил на меня быстрый взгляд. В нем мелькнуло почти любопытство.

— Для человека, который якобы ничего не знает, вы слишком быстро освоились.

— Для человека, которого якобы еле держат в живых, вы слишком бодро огрызаетесь.

На этот раз он не усмехнулся. Но и не обиделся. Уже про-

гресс.

В конце галереи двое слуг распахнули перед нами тяжелые двери. Я вошла вслед за Рейнаром — и сразу поняла, что здесь лгали так же тщательно, как в храме.

Комната была большой, темной, с высоким потолком и двумя узкими окнами, завешанными плотными шторами. У дальней стены — широкая кровать с резным изголовьем. Слева — камин, сейчас почти прогоревший. Справа — письменный стол, запертый шкаф, еще один столик, явно медицинский: на нем под белой салфеткой угадывались стеклянные флаконы, коробочки, металлический лоток. Возле кровати — ширма, кувшин с водой, таз для умывания, кресло, в котором, вероятно, ночевали сиделки или дежурные слуги. Слишком много предметов, связанных с уходом. Слишком мало — с жизнью мужчины тридцати двух лет.

Но главное было не это.

Пахло неправильно.

Не умирающим человеком. Не тяжелой инфекцией. Не разложением тканей. Не гниющей легочной мокротой, не печеночной сладостью, не почечной аммиачной тенью. Здесь пахло успокаивающими настоями, крепким вином, чистым бельем и препаратом на основе горькой коры — знакомым мне по старому миру только по общему типу воздействия. Еще — слабым запахом масла, которым иногда растирают мышцы лежащим больным. И все.

Я остановилась посреди комнаты.

— Что? — спросил Рейнар.

— Думаю, где именно здесь прячут вашу красивую легенду о смертельно больном хозяине.

Он медленно обернулся ко мне. Стояние давалось ему тяжело, это было видно уже без всякой магии и большого ума. Но тяжесть еще не равна безнадежности.

— Вы удивитесь, миледи, — сказал он холодно, — но я действительно болен.

— Не сомневаюсь. Я сомневаюсь в другом. В том, что вам дают шанс поправиться.

Двери за нами закрылись. Слуги остались снаружи. Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга в полутемной комнате, где теперь не было ни тетки, ни священника, ни лекаря, ни публики. Только мужчина, которого слишком долго держали между постелью и титулом, и женщина, которой это с первого взгляда не понравилось.

— Снимите перчатки, — сказала я.

Его бровь чуть дрогнула.

— Это брачная просьба или врачебный приказ?

— Это момент, когда я пытаюсь понять, вы опасно упрямый пациент или просто любите умирать эффектно.

Он подошел к креслу и опустился в него так осторожно, будто тело на секунду решило напомнить ему цену любой вертикали. Потом снял одну перчатку. Затем вторую. Руки у него были красивые. И это раздражало не меньше, чем то, что он явно знал цену своим рукам даже в таком состоянии.

Длинные пальцы, сухие ладони, заметные вены, несколько старых шрамов на костяшках. Ногтевые пластины чистые, не синие. Тремора почти нет. Только легкая дрожь после нагрузки.

Я подошла ближе.

— Не люблю, когда на меня так смотрят, — сказал он.

— А я не люблю, когда мне продают плохой диагноз.

— Вы слишком самоуверенны.

— Вы слишком долго лежали среди людей, которые не привыкли, что им возражают.

Я взяла его за запястье раньше, чем он успел убрать руку.

Пульс был быстрым, но не катастрофическим. Ровным. Не таким, как у человека, стоящего на краю сепсиса или длительной органной недостаточности. Температуры по коже не чувствовалось. Ладонь холодная, сосуды сужены. Хроническая слабость, возможно действие препаратов, возможно истощение нервной системы, возможно последствия приступов. Но не картина обреченного.

Он следил за моим лицом пристальнее, чем за своими ощущениями.

— Ну? — спросил он.

— Ну, вас не пора отпевать.

— Обнадёживает.

— Не для всех.

Я отпустила его руку и отошла к медицинскому столику. Салфетка лежала слишком аккуратно, словно ее поправля-

ли перед визитами. Я сняла ткань. Под ней оказались шесть флаконов из темного стекла, коробка с порошками, пузырек с настойкой янтарного цвета, ложечка, мерный стаканчик и шприц с металлическим корпусом — странная местная конструкция, многоразовая, но вполне понятная по принципу. Рядом — стопка чистых бинтов и небольшая книжка в кожаном переплете.

— Не трогайте, — сказал Рейнар резко.

Я даже не обернулась.

— Почему? Боитесь, что я найду что-то интересное?

— Боюсь, что вы найдете слишком мало и сделаете слишком много выводов.

— Я врач. Мы этим и занимаемся.

Я открыла первый флакон и понюхала. Седативный настой, тот же общий след, что был в чашке Эстер. Второй — густой, горьковатый, с тяжелым смоляным запахом. Третий почти не пах, но на стекле оставался маслянистый налет. Четвертый вызвал у меня мгновенную настороженность: в аромате пряталась сладость, за которой часто скрывают вещества, способные угнетать реакцию, память и мышечный тонус.

— Как часто вам это дают?

— Что именно?

— Все подряд. Или у вас здесь любимая семейная традиция — сначала травить, потом молиться?

— Орин назначает по состоянию.

— Значит, часто.

Я перелистнула книжку. Почерк аккуратный, сухой, безэмоциональный. Даты. Часы приема. Капли, порошки, инъекции. Послеобеденный настой. Вечерний отвар. Ночной эликсир при возбуждении. Отдельно — отметки о приступах: дрожь, потеря контроля, спутанность речи, слабость конечностей. Слишком тщательно. Слишком гладко. Так пишут не историю болезни, а документ, который когда-нибудь придется кому-то показывать.

— Это писал Орин?

— Иногда он. Иногда сиделка под его диктовку.

— Приступы начались когда?

— Почти год назад.

Я подняла голову.

— Почти год — это не дата.

— Весной.

— После чего?

Рейнар замолчал.

Я повернулась. Он сидел, чуть запрокинув голову на спинку кресла, и смотрел в потолок так, будто решал, стоит ли мне хоть что-то говорить.

— После смерти моей жены, — произнес он наконец.

Вот оно.

Я медленно закрыла книжку.

— Первой леди Валтер.

Он перевел взгляд на меня.

— Значит, вы уже видели портрет.

— Да. Мне не понравилось, как быстро ваша тетка по-
бледнела, когда я спросила, умерла ли она тоже вовремя.

Угол его рта дрогнул. Снова без настоящего смеха.

— Тогда вы задаете опасные вопросы, миледи.

— А вы привыкли на них не отвечать.

— Вы мне никто, чтобы я исповедовался.

— А вы мне пока никто, чтобы я делала вид, будто верю
в вашу красивую семейную болезнь.

Молчание повисло жесткое, но не пустое. Мы уже не про-
веряли, кто первый дрогнет. Мы примерялись, насколько да-
леко можно зайти, прежде чем другой ударит.

Я снова посмотрела в записи.

— Приступы выглядят странно. Тут слишком много
симптомов, которые удобно объяснять нервным истощени-
ем, но не складываются в одну чистую картину. Потеря сил,
туман в голове, дрожь, редкие провалы речи, невозможность
долго стоять, сонливость после приема препаратов, усиление
слабости по вечерам... Либо у вас крайне небрежный орга-
низм, либо вас год кормили тем, после чего даже бык станет
философом у стены.

— Вы всегда так разговариваете с больными?

— Только с теми, кто слишком упрям, чтобы вовремя
умереть или честно лечиться.

Я подошла ближе и наклонилась к нему.

— Зрочки покажите.

— Что?

— Смотрите на меня.

Он подчинился не сразу, но подчинился. Я оттянула нижнее веко, приподняла подбородок, заставила повернуть голову к свету. Реакция нормальная. Не идеальная, но без грубых провалов. Потом коснулась пальцами шеи, считая частоту и качество пульсации. Он замер. Не от робости, конечно. От непривычности. В этом доме к нему, вероятно, давно прикасались либо как к обязанности, либо как к грузу.

— Уберите руки, — сказал он тихо.

— Уже убираю. Не тряситесь так, это всего лишь осмотр.

— Я не трясусь.

— Вы злитесь.

— И это тоже.

Я отступила на шаг.

— Когда последний раз вы были на улице?

— Не помню.

— Это плохой ответ.

— Для вас?

— Для человека, которого якобы пытаются спасти, — очень.

Он прикрыл глаза.

На секунду лицо стало старше. Не по возрасту — по усталости. И это была первая честная трещина, которую я увидела в его броне. Не слабость, нет. Просто предел напряжения, который долго держали на злости и привычке никому

не доверять.

— Иногда я думаю, — сказал он негромко, — что однажды просто проснусь и пойму: уже месяц не помню половину своих дней. Потом появляется Орин, приносит очередную дрянь, говорит, что без нее станет хуже. А тетка смотрит так, будто мое недоверие — еще один симптом. Со временем начинаешь сомневаться даже в собственной голове.

Я внимательно посмотрела на него.

— Вот это уже похоже на правду.

Он открыл глаза.

— Сочту это комплиментом.

— Не стоит. Я пока только исключаю ложь по степени наглости.

Я снова взяла книжку. Несколько отметок показались мне особенно аккуратными — там, где было написано о тяжелом возбуждении, спутанности сознания, необходимости увеличить дозу вечернего эликсира. Все эти записи стояли после дней, когда, судя по остальным заметкам, Рейнар пытался больше двигаться.

Вот и схема.

Не убивать. Не давать собраться. Поддерживать настолько живым, чтобы дышал и подписывал при необходимости. Насколько слабым, чтобы не встал против тех, кому это выгодно.

Я медленно подняла взгляд.

— Вас не лечат, Рейнар.

Он не шелохнулся.

— Сильное заявление для женщины, которая здесь меньше двух часов.

— Мне хватает пятнадцати минут, чтобы понять, когда человека вытаскивают. И обычно еще меньше — чтобы понять, когда его держат на поводке под видом помощи.

— И вы уже решили, что со мной делают именно это?

— Я уже вижу, что ваш лекарь лечит симптомы, которые сам же и усиливает. Или, по крайней мере, очень удобно ими пользуется.

Он смотрел пристально, но враждебность в его взгляде сместилась. На ее место пришла опасная, тяжелая внимательность.

— Допустим, — произнес он. — Допустим, вы правы. И что дальше? Вы объявите это за ужином? Порекомендуете прогулки на свежем воздухе? Попросите мою тетку перестать желать мне тихой беспомощности?

— Нет. Сначала я хочу увидеть, что именно вам колют и в каких дозах.

— И?

— И разобраться, можно ли прекратить это сразу или придется делать вид, будто я тоже часть их спектакля.

— Вы только что стали моей женой. Уже поздно делать вид, что вы не часть спектакля.

— Ошибаетесь. Я стала частью сцены, а не их сценария.

В дверь тихо постучали.

Мы оба одновременно повернули головы.

— Войдите, — сказал Рейнар.

В комнату проскользнула пожилая сиделка в темном платье. Седые волосы затянуты в тугой узел, лицо бесцветное, глаза опущены. На подносе — чашка, флакон и маленькая стеклянная рюмка.

— Вечерний настой, милорд, — пробормотала она.

Я шагнула к ней раньше, чем она успела подойти к креслу.

— Поставьте.

Женщина вздрогнула и бросила взгляд на Рейнара. Не на меня. На него. Значит, меня в этом крыле пока считают временной помехой.

— Поставьте, — повторил он.

Она подчинилась.

Я взяла флакон, рассмотрела на свет. Янтарная жидкость, мутноватая у дна. Понюхала. Та же сладость, прячущая что-то тяжелое и усыпляющее.

— Вы это пьете каждый вечер?

— Почти.

— После него сильнее клонит в сон?

— Да.

— Слабость в ногах усиливается?

— Да.

— Ясность в голове?

Он помолчал секунду.

— Иногда будто вату набивают в череп.

— Приступы чаще до него или после?

Сиделка побледнела. Очень медленно, но заметно.

— Милорд принимает ровно то, что назначено мастером Орином, — сказала она, не поднимая глаз.

— Я не вас спрашивала.

— А я отвечаю, потому что вы не имеете права...

— Ошибаетесь, — перебила я. — С этого дня имею. Я его жена.

Слово далось мне легче, чем следовало бы. Наверное, потому что в данной комнате оно звучало не как романтика, а как допуск к телу пациента.

Сиделка наконец подняла на меня взгляд. Там не было ненависти. Только привычный страх человека, который слишком долго служит системе и уже не понимает, где заканчивается приказ и начинается преступление.

— Выйдите, — сказал Рейнар.

Она тут же поклонилась и исчезла.

Я посмотрела на флакон, потом на него.

— Сегодня вы это пить не будете.

Он откинулся на спинку кресла.

— Вот так сразу?

— Вот так сразу.

— А если ночью меня начнет ломать так, что вы пожалеете о своей самоуверенности?

— Тогда я увижу чистую картину без вашей сладкой дряни из бутылки.

— А если мне станет хуже?

— Вам и так хуже. Просто в этом доме это называют стабильностью.

Он долго молчал. Потом спросил:

— Почему вы так уверены?

Я поставила флакон обратно на поднос.

— Потому что я слишком много раз видела людей, которых медленно выключали не ножом и не ядом, а грамотно подобранной заботой. Человек пьет то, что должен. Слабее. Теряет уверенность в собственной памяти. Злится. Потом начинает сомневаться в себе. Потом окружающие называют его сложным, тяжелым, нестабильным. И очень удобно перестают спрашивать, чего он хочет сам.

Рейнар смотрел на меня не мигая.

— Вы говорите так, будто уже кого-то не успели спасти.

В груди на секунду неприятно потянуло. Память о старом мире ударила быстро и точно: реанимационный свет, слипшиеся от пота волосы на лбу, чужая рука, которую не удалось удержать в жизни. Я не отвела взгляд.

— Именно поэтому я и говорю так.

Он медленно кивнул. Не в знак согласия. Скорее признавая цену фразы.

— Хорошо, — сказал он. — Сегодня я не пью настой.

— И никто, кроме меня, не дает вам ничего до утра.

— Смелое решение для женщины, которую в этом доме еще даже слуги толком не боятся.

— Ничего. Освоятся.

Я оглядела комнату снова, уже иначе. Кровать. Столик с флаконами. Ширма. Кресло. Запертый шкаф. Камин. Здесь не хватало хаоса обычной болезни. Не хватало той беспомощной правды, которая всегда оставляет следы: скомканных простыней, чашек у кровати, случайных лекарств, признаков настоящей борьбы за жизнь. Здесь все было слишком организовано. Слишком красиво для затяжного недуга. Слишком удобно для надзора.

— Где спят сиделки? — спросила я.

— По очереди в соседней комнате.

— Больше не будут.

— Вы любите приказы.

— Я люблю контроль, когда речь о подозрительном лечении.

Он чуть склонил голову.

— И где же будете спать вы, моя внезапная спасительница?

— Не льстите себе. Пока вы моя внезапная медицинская проблема.

— Это почти романтично.

— Не для меня.

Я распахнула шторы на одном из окон. В комнату хлынул серый вечерний свет. Рейнар поморщился, но промолчал.

— Свет вам мешает?

— Нет. Мне мешает то, как уверенно вы уже хозяйнича-

ете.

— Привыкайте. Я собираюсь мешать здесь всем.

Он прикрыл глаза на секунду и вдруг сказал устало, почти беззащитно:

— Если вы ошиблись, вы убьете меня быстрее, чем они.

Я посмотрела на него внимательно.

— Нет. Если я ошиблась, я признаю это первой. В отличие от ваших домашних благодетелей.

Он снова открыл глаза.

— У вас отвратительная манера звучать убедительно.

— А у вас отвратительная привычка выживать назло. Видимо, поэтому мы пока терпим друг друга.

Снаружи, в галерее, послышались шаги. Кто-то замедлил ход у двери, но не вошел. Проверяли. Слушали. Ждали, как пройдет первый час новой семейной жизни.

Пусть ждут.

Я взяла поднос с флаконом и подошла к камину.

— Что вы делаете? — спросил Рейнар.

— Проверяю, насколько сильно меня возненавидят в этом доме до утра.

И, не давая себе времени на красивый жест, просто вылила вечерний настой в огонь.

Пламя вздрогнуло, зашипело, вспыхнуло на секунду выше.

В комнате запахло горькой сладостью и чем-то паленым.

Рейнар молчал.

Я обернулась.

Он смотрел на меня так, будто впервые за очень долгое время увидел не жалость, не расчет и не страх.

Проблему.

Очень живую проблему.

— Ну что? — спросила я. — Уже жалеете, что дали согласие сами?

Его губы дрогнули.

— Еще не решил.

— Решайте быстрее. Завтра я начну задавать неудобные вопросы уже вслух.

— Вы и сегодня неплохо справлялись.

— Сегодня я только вошла в дом как жена. Завтра войду как врач.

Он задержал на мне взгляд еще на секунду дольше, чем было нужно.

— Тогда, миледи, — сказал он тихо, — молитесь, чтобы вы действительно знали, что делаете.

Я поставила поднос на стол и посмотрела ему прямо в глаза.

— Я никогда не молюсь перед работой, Рейнар. Я собираю данные.

И только после этого я наконец поняла одну очень важную вещь.

Я вошла в эту комнату как женщина, которую насильно сделали частью чужого брака.

А вышла из первого часа рядом с мужем уже с другим ощущением.

Передо мной был не обреченный мужчина.

Передо мной был плохо, грамотно и очень выгодно испорченный пациент.

Глава 4. Женой пациента меня сделали, но послушной вдовой я быть отказалась

Утро в восточном крыле началось не с солнца, а с чужого раздражения за дверью.

Я проснулась в соседней комнате — узкой, холодной, явно предназначенной не для хозяйки дома, а для тех, кто должен быть рядом по необходимости и исчезать по щелчку. Меня это не задело. Я вообще плохо оскорбляюсь мебелью. Куда сильнее меня раздражал тот факт, что ночью мне пришлось просыпаться трижды: один раз от шагов в галерее, второй — от того, что кто-то слишком долго возился у двери Рейнара, и третий — от собственного желания встать и проверить, не вкололи ли ему чего-нибудь, пока я сплю.

Привычка дежурного врача — паршивая штука. Даже в чужом мире от нее не отделаться.

Я быстро оделась в темное платье, которое нашлось в шкафу рядом с комнатой. Не траурное, но достаточно строгое, чтобы никто не ждал от меня нежной новобрачной глупости. Волосы собрала сама, без помощи Миры. Чем меньше рук будет надо мной суетиться, тем меньше людей решат, что им можно что-то контролировать.

Когда я вошла в спальню Рейнара, он уже не спал.

Сидел в постели, опираясь на подушки, и смотрел в окно с таким выражением, будто утро лично перед ним провинилось. На столике у кровати стояла чашка с водой. Подноса с настоем не было. Хорошо. Значит, ночью никто не рискнул сунуться мимо моего запрета или ему хватило упрямства послать всех к черту без меня.

— Вы живы, — сказала я, закрывая за собой дверь.

Он медленно повернул голову.

— Разочарованы?

— Нет. Пока это мой лучший аргумент в споре с вашим лекарем.

Я подошла ближе. Лицо у него было серым от недосыпа, тени под глазами легли еще глубже, движения давались тяжело, но взгляд был чище, чем вчера вечером. Уже не такой вязкий. Не такой утопленный в невидимую вату.

Он заметил, куда я смотрю.

— Ну? — спросил он.

— Ну, — ответила я. — После ночи без вашей волшебной бутылки вы выглядите хуже телом и лучше головой. Что и требовалось доказать.

— Благодарю за утренний комплимент.

— Не привыкайте. Дайте руку.

— Вы очень быстро освоились в роли жены.

— Я быстро осваиваюсь в роли человека, которому не нравится, когда пациента превращают в интерьер.

Он все же протянул руку. Пульс был быстрее, чем вчера,

кожа — прохладная, пальцы чуть напряжены. Ночью ему явно было нехорошо. Возможно, ломало от отмены очередной дряни, возможно, организм просто пытался вспомнить, как жить без постоянного притупления.

— Тошнота? — спросила я.

— Немного.

— Головная боль?

— Да.

— Судороги были?

— Нет.

— Потеря памяти?

Он посмотрел на меня долго и без удовольствия.

— Пока нет.

— Прекрасно. Уже на редкость скучное утро.

Я отпустила его руку и подошла к столу с флаконами. Ночной настой действительно не обновляли. Но кто-то переставил два пузырька местами и убрал книжку с записями. Значит, ночью заходили. Не для ухода. Для контроля.

В дверь постучали.

— Войдите, — сказала я раньше, чем успел он.

На пороге стояли Орин и леди Марвен. Как трогательно. Семейное утро началось с визита тех, кому моя спокойная ночь явно показалась личным оскорблением.

Марвен была в темно-синем платье, которое делало ее лицо еще суше и жестче. Орин — собранный, гладкий, с тем выражением, какое бывает у людей, заранее приготовивших

мягкий тон и неприятные слова.

— Доброе утро, — сказала я. — Или в этом крыле принято сначала проверять, не сдох ли пациент, а потом уже желать добра?

Молчание вышло коротким, но полезным. Я уже начинала любить утренние паузы после своих реплик. В них люди всегда на секунду показывали настоящее лицо.

— Вижу, вы провели ночь весьма деятельно, миледи, — сухо произнесла Марвен.

— И очень успешно. Ваш племянник проснулся с головой, а не с туманом внутри. Советую запомнить это как клиническое наблюдение.

Орин шагнул к столу, бросил быстрый взгляд на пустое место, где должен был стоять флакон с настоем, и так же быстро вернул лицу ровность.

— Вы вмешались в лечение, не имея ни знаний о природе болезни, ни права принимать подобные решения.

— Ошибаетесь дважды, — сказала я. — Знания у меня как раз есть. А право мне вчера лично обеспечили кольцом и вашим замечательным семейным спектаклем у алтаря.

— Вы не врач этого дома.

— Зато я единственный человек в этой комнате, которому не выгодно держать его полуживым.

Марвен резко повернулась ко мне.

— Следите за словами.

— Я как раз слежу. Это вы нервничаете на правильных

местах.

Рейнар молчал. И это молчание было ценнее любой поддержки. Он не вмешивался, не одергивал меня, не делал вид, что все нужно сгладить. Просто смотрел. На тетку. На лекаря. На меня. И, кажется, впервые за долгое время позволял ситуации идти не по их сценарию.

Орин взял со стола другой флакон и аккуратно поставил передо мной.

— Если вы действительно считаете себя вправе спорить, миледи, извольте хотя бы понять, что именно отвергаете. Это средство снимает ночное возбуждение, мышечное напряжение и уменьшает частоту приступов.

— Удобно. А еще, судя по составу, делает его сонным, вялым и зависимым от следующей дозы.

— Вы не можете определить состав по запаху.

— Могу определить достаточно, чтобы понять общий принцип. Но если хотите, продолжим: вы либо очень посредственный лекарь, либо очень полезный сообщник.

Марвен шагнула вперед.

— Немедленно прекратите этот тон.

Я повернулась к ней.

— А какой вас устроит? Благодарный? Плачущий? Может, тон женщины, которая заранее готовится к красивому вдовству? Боюсь, у меня в наличии только этот.

В ее глазах вспыхнула такая ярость, что я почти увидела, как ей хочется ударить меня чем-нибудь тяжелым и фамиль-

ным. Очень обнадеживающий признак. Я все делала правильно.

— Эстер, — произнесла она низко, уже не изображая холодную вежливость, — вам следует помнить, из какого положения вас сюда взяли.

Я усмехнулась.

— Во-первых, не следует давить на женщину ее прошлым, если вы сами не хотите услышать о настоящем. Во-вторых, Эстер вы вчера потеряли. Проснулась я.

Орин моргнул. Марвен замерла. Даже Рейнар перевел на меня взгляд чуть резче.

Отлично. Пусть переваривают.

— Миледи, — сказал Орин осторожнее, — если вы плохо себя чувствуете после вчерашнего...

— Не начинайте. Попытка представить меня безумной работает только там, где рядом нет трезвых наблюдателей. А сегодня утром ваш пациент впервые за долгое время сидит с ясными глазами. Неудачный день для такой стратегии.

Я подошла к кровати и встала рядом с Рейнаром так, чтобы Марвен увидела это движение как следует.

— Сегодня он ничего не принимает, пока я не посмотрю все записи целиком, не пойму, на каком основании вы держите его на этой схеме, и не увижу, что именно происходит во время приступов.

— Это невозможно, — отрезал Орин.

— Прекрасно. Значит, начнем с невозможного.

— Вы ведете себя так, будто вам здесь принадлежит право решать.

— А вы ведете себя так, будто вам давно никто не мешал. Привыкайте.

Марвен наконец повернулась к племяннику.

— Рейнар, — произнесла она тем особым тоном, которым женщины говорят с мужчинами, когда хотят завернуть контроль в заботу, — ты понимаешь, что она делает? Это опасная самоуверенность. Она может довести тебя до нового срыва.

Он смотрел на нее несколько секунд. Потом сказал спокойно:

— Вчера ночью я впервые спал без вашего вечернего дурмана.

Орин сжал челюсть.

— Милорд, это временное ощущение. К вечеру станет хуже.

— Возможно, — ответил Рейнар. — Но сегодня мне хотя бы не хочется забыть собственное имя до обеда. Это уже освежает.

Уголок моего рта дрогнул. Не от нежности к нему — от удовольствия видеть, как красиво у некоторых людей рушится чужая уверенность.

Марвен это заметила.

— Вам не следует вмешиваться в то, чего вы не понимаете, — сказала она мне.

— Тогда объясните. Я вся внимание.

— Это семейное дело.

— Как удобно. Обычно этой фразой прикрывают либо кражу, либо насилие, либо и то и другое вместе.

Она побледнела. Орин резко поставил флакон обратно на стол.

— Достаточно. Если миледи намерена отравлять здесь атмосферу подозрениями, я настаиваю, чтобы у лорда оставался хотя бы один человек, действительно понимающий течение его болезни.

— Вы имеете в виду себя? — спросила я. — Как трогательно. Поджигатель очень просит не забирать у него ведро.

Рейнар коротко выдохнул сквозь нос. Не смех. Но уже близко.

Марвен резко развернулась ко мне.

— Вам позволили остаться в этом доме на правах жены, но не хозяйки.

— Не волнуйтесь, — сказала я. — Хозяйкой я становиться не спешу. Для начала мне достаточно перестать быть статисткой при вашем удобном умирающем родственнике.

Она прищурилась.

— Вы забываетесь.

— Нет. Я как раз очень хорошо все запоминаю. Например, то, как быстро вы начали бояться после того, как он вчера встал сам.

Вот теперь я попала в самую кость.

В комнате стало так тихо, что треск угля в камине прозвучал почти неприлично громко. Орин опустил глаза. На секунду. Этого хватило.

Марвен заговорила медленно, тщательно контролируя губы:

— Вы еще слишком плохо знаете этот дом, чтобы позволять себе подобные выводы.

— А вы слишком хорошо знаете этот дом, чтобы отрицать их без запинки.

Она сделала шаг ко мне. Я не двинулась. Рейнар чуть напрыгся — едва заметно, но я почувствовала это боковым зрением.

— Слушайте меня внимательно, — произнесла Марвен. — Женщина в вашем положении должна быть благодарна, что ей дали имя, крышу и место рядом с мужчиной такого рода.

Я посмотрела на нее спокойно.

— Женщина в моем положении слишком часто слышала, что должна быть благодарна за вещи, которые ей навязали силой. Меня это давно не впечатляет.

Ни один мускул не дрогнул на ее лице, но я знала этот тип людей. Их ярость не выливается в крик. Она оседает внутрь и потом ищет более аккуратную форму мести.

Орин понял, что момент ускользает, и попытался вернуть разговор туда, где ему было удобно.

— Милорд, если позволите, я хотя бы осмотрю вас.

— Осматривайте, — сказала я. — При мне.

— Это не обсуждается с вами.

— Теперь — да.

Орин повернулся к Рейнару, надеясь получить приказ убрать меня из комнаты. Но тот лишь скрестил пальцы на одеяле и равнодушно произнес:

— Осматривайте при ней. Мне даже интересно, начнете ли вы впервые говорить вслух то, что обычно шепчете сиделкам.

Красиво.

Очень красиво.

Орин побледнел едва заметно, подошел к кровати и начал свой спектакль. Проверил зрачки. Послушал пульс. Спросил о сне, о слабости, о тяжести в ногах, о боли в голове. Рейнар отвечал скупой. Я стояла рядом и слушала не столько слова, сколько расстановку акцентов.

Орин каждый раз возвращался к одному и тому же: «нервное истощение», «последствия перенапряжения», «важно сохранять покой», «резкие перемены схемы опасны». Ни одной попытки пересмотреть лечение. Ни одного вопроса, почему ясность у пациента улучшилась сразу после пропуска вечернего настоя. Только мягкое, липкое подталкивание обратно в старую колею.

Когда он закончил, я спросила:

— А теперь версия для людей, которые умеют думать. Почему вы ни разу не упомянули, что отмена настоя улучшила

его сознание?

— Потому что это недостоверный единичный эпизод.

— Нет. Потому что вам не нравится результат.

— Миледи, медицина не терпит самодеятельности.

— Согласна. Именно поэтому меня так раздражает то, что вы здесь устроили.

Марвен повернулась к двери.

— Я вижу, утро у нас потеряно. Орин, зайдите позже. А вы, миледи, извольте помнить: ваша дерзость не будет здесь вечной привилегией.

— Тогда вам стоит торопиться, — ответила я. — Потому что терпение к вам у меня уже закончилось.

Они вышли.

Дверь закрылась.

Тишина, оставшаяся после них, была почти вкусной.

Я медленно выдохнула и только тогда почувствовала, как сильно напрягались плечи все это время. Рейнар смотрел на дверь, за которой скрылась тетка, с тем выражением, какое бывает у людей, слишком давно привыкших жить внутри чужого давления.

— Ну? — спросила я. — Мне уже пора раскаяться в тоне? Он перевел на меня взгляд.

— Нет.

— Какой лаконичный восторг.

— Вы всерьез решили прожить здесь больше трех дней?

— Вообще-то я планировала дольше. У меня уже профес-

сиональный интерес.

— Это не интерес. Это дурная склонность лезть под нож без успехов.

Я пожала плечом.

— У каждого свои недостатки. Кто-то годами глотает дрянь, не разбив лекарю нос. Кто-то приходит в чужой дом и почти сразу начинает портить местным жизнь.

— Почти?

— Сегодня я только разогреваюсь.

Он смотрел на меня так долго, что я уже почти собралась спросить, не перегрелся ли он от собственного внимания. Но он сказал другое:

— Вы не испугались ее.

— Должна была?

— Большинство — да.

— Тогда большинство слишком мало знает о женщинах, которых пытались загнать в угол. После определенного момента страх становится плохой инвестицией.

Он опустил взгляд на мою руку. На кольцо. На секунду мне показалось, что сейчас прозвучит что-то о браке, долге или ненужной близости. Но Рейнар сказал совсем другое:

— Когда она заговорила о благодарности, вы даже не моргнули.

Я подошла к окну и отдернула штору сильнее. Серый дневной свет лег на пол широкой полосой.

— Потому что люди, требующие благодарности за навя-

занную клетку, обычно обижаются не на неблагодарность. Они обижаются на то, что жертва вдруг начинает понимать, где именно замок.

Он молчал.

Я обернулась.

— Сегодня мы сделаем несколько вещей, которые им не понравятся.

— Например?

— Во-первых, вы встанете еще раз. Но уже не ради красивой сцены в храме, а чтобы я посмотрела, как именно подводят ноги. Во-вторых, я осмотрю соседнюю комнату сиделки и этот ваш запертый шкаф. В-третьих, поговорю с теми, кто носит вам лекарства. По отдельности. В-четвертых, добуду старые записи о смерти вашей жены.

— Вы умеете начинать день скромно.

— Я умею работать быстро, когда вокруг слишком много желающих, чтобы пациент не поправился.

Он долго смотрел на меня, потом медленно откинулся на подушки.

— А если я скажу, что хочу покоя?

— Не поверю.

— Почему?

— Потому что у людей, которые хотят только покоя, не бывает таких глаз, когда их тетка теряет власть над разговором.

На этот раз он действительно усмехнулся. Коротко. Хрип-

ло. Настояще.

Я отметила это без лишней сентиментальности. Просто как симптом: пациент пока не умер, цинизм сохранен, реакция на раздражитель живая.

— Хорошо, — сказал он. — Допустим, вы не сбежали и не собираетесь становиться послушной вдовой заранее. Что дальше?

Я подошла к кровати и посмотрела на него сверху вниз.

— Дальше я сделаю то, чего здесь не делал никто. Начну относиться к вам как к живому человеку, а не к выгодному промежуточному состоянию.

Он не отвел взгляда.

— Опасная формулировка.

— Для кого?

— Вы слишком часто задаете этот вопрос.

— Потому что ответ почти всегда один и тот же.

— И какой же?

Я чуть склонилась к нему.

— Для тех, кто привык распоряжаться чужой слабостью как своей собственностью.

Снаружи снова прошли чьи-то шаги. Восточное крыло жило настороженно, прислушиваясь к каждому лишнему слову. Пусть. Мне даже нравилось, что новости здесь, скорее всего, разлетаются быстрее, чем зараза в плохом отделении.

Я выпрямилась.

— Итак. Встаете сами или будете спорить еще пять минут

для приличия?

Рейнар прикрыл глаза на секунду, будто выбирая между гордостью и благоразумием. Потом откинул одеяло.

— Вы невыносимы.

— Знаю. Но сегодня это, кажется, единственное по-настоящему полезное качество в этом доме.

Он поставил ноги на пол. Я уже видела, как напряжется его челюсть через секунду, как дрогнут мышцы бедра, как тело попытается напомнить ему, кто здесь хозяин. Но теперь у него был не только привычный набор боли и злости.

Теперь рядом стояла я.

И послушной вдовой при его кровати я не собиралась становиться ни для него, ни для этого дома, ни для тех, кто слишком рано решил, что его судьба уже оформлена.

Глава 5. В его комнате пахло не смертью, а тем, что смертью прикрывают

Рейнар встал с той холодной, молчаливой яростью, на которой мужчины его склада, кажется, держатся дольше, чем на здоровье. Я не подхватила его сразу. Ненавижу, когда помощь превращают в унижение. Сначала смотрю, где у человека предел, и только потом вмешиваюсь.

Он выпрямился, сжал пальцы на спинке кровати и несколько секунд просто стоял, пережидая, пока тело договорится с упрямством. Я смотрела внимательно: правая нога действительно отзывалась хуже левой, но не как при грубом параличе. Скорее остаточная слабость после длительно-го обездвиживания, усиленная препаратами, которыми его методично глушили. Дыхание участилось, по виску скатилась тонкая капля пота, но сознание оставалось ясным.

— Голова кружится? — спросила я.

— Немного.

— Тошнота усилилась?

— Нет.

— Темнеет в глазах?

— Только от вашего допроса.

— Прекрасно. Значит, нервная функция у вас не отмерла.

Я подошла ближе и все-таки подставила руку под его локоть. Не потому, что он просил. Потому что мне нужно было почувствовать, как распределяется вес, где именно тело подводит сильнее, насколько быстро включается тремор. Рейнар на секунду напрягся, будто само прикосновение стоило ему отдельного раздражения. Но руку не сбросил.

— Осторожнее, — сказала я.

— Это вы сейчас мне или себе?

— Себе. Не люблю, когда тяжелый пациент падает до того, как я успею понять, что им с ним делали.

— Очаровательно.

Мы сделали три шага от кровати до окна. Для здорового человека — ничто. Для него это был почти вызов на дуэль с собственным телом. Но главное я увидела: слабость не везде одинаковая. Не хаос. Не расплзающаяся катастрофа. Система, которую кто-то очень старательно поддерживал на нужном уровне.

— Садитесь, — сказала я, когда он дошел до кресла у окна.

— Приказ?

— Медицинский. И не провоцируйте меня в моменты, когда у вас дрожат ноги.

Он сел. Медленно, сдерживая дыхание, но без посторонней помощи. Я отметила, как после нагрузки в его взгляде не появилось помутнения, которое вчера так упорно описывал Орин. Только усталость и злость. Оба признака мне нрави-

лись больше, чем удобная вялость пациента, которого заранее приучили не сопротивляться.

— Теперь шкаф, — сказала я.

— Вы всегда так бодро переходите от человека к имуществу?

— Только когда подозреваю, что имущество расскажет о человеке честнее, чем его родственники.

Шкаф стоял в углу, темный, запертый, с простым медным ключом, который, разумеется, никто не оставил снаружи. Я осмотрела замок, потом повернулась к Рейнару.

— Ключ у вас?

— Был у сиделки. Потом, вероятно, у Орина. Или у тетки. В зависимости от того, кто сильнее боялся, что я встану и начну интересоваться своей жизнью.

— Лестно, что они так высоко ценят собственную безопасность.

Я дернула дверцу. Бесполезно. Потом присела и осмотрела нижнюю панель. Пыль у ножки была стерта совсем недавно. Значит, шкаф открывали. Не декоративный предмет. Рабочий.

— У вас здесь все хранится как улики, — пробормотала я.

— Возможно, потому что так оно и есть.

Я выпрямилась и огляделась. Медицинский столик. Стол. Письменный прибор. Каминная полка. Люди прячут ключи в банальных местах, особенно если уверены, что больной не станет искать. На третьей попытке я нашла маленький мед-

ный ключик в фарфоровой коробке под сухими ветками лаванды. Даже не изобретательно. Просто нагло.

— Вас тут держали за беспомощного идиота, — сказала я.

— И, похоже, частично преуспели.

— Нет. Если бы преуспели, ключ лежал бы еще ближе.

Замок открылся с тихим щелчком. Внутри оказалось не белье и не одежда, как полагалось бы нормальному шкафу в спальне. Верхняя полка была заставлена коробками с пузырьками, склянками и несколькими запечатанными пакетами с порошками. Ниже — стопка тетрадей, перевязанных шнуром. На самом дне — деревянный лоток с использованными ампулами и пустыми стеклянными трубками. Я выругалась себе под нос.

— Что там? — спросил Рейнар.

— То, что очень не хотели показывать жене. И, подозреваю, хозяину тоже.

Я начала сверху. Первая коробка — запасы того самого вечернего настоя. Вторая — ампулы с прозрачной жидкостью без маркировки. Третья — порошки с пряным, почти сладким запахом, которым удобно маскировать угнетающие вещества. Я поставила коробку на стол, открыла одну из тетрадей.

Почерк был не тот, что в книжке на медицинском столике. Более быстрый. Иногда неровный. И явно принадлежал не Орину.

— Это ваше? — спросила я.

Рейнар напрягся.

— Дайте.

Я подошла и вложила тетрадь ему в руки. Он пролистнул несколько страниц, остановился, и лицо у него стало жестче.

— Моей первой жены, — сказал он.

Я молча ждала продолжения.

— Элиза вела записи. Не дневник. Наблюдения. Она всегда записывала, если что-то казалось ей странным.

— Умная женщина.

— Поэтому ей не стоило умирать так рано.

Сказано было ровно. Почти безэмоционально. Но слишком уж ровно. Так говорят люди, которые уже научились держать боль за зубами, потому что иначе она начнет говорить вместо них.

— Что там? — спросила я мягче.

Он не ответил сразу. Только листал, и чем дальше, тем мрачнее становилось его лицо. Потом протянул тетрадь мне.

— Читайте вслух.

Я оперлась бедром о край стола и начала.

Первые записи были обрывочными: даты, имена слуг, упоминания о спорах с теткой, странных настоях, которые Орин настаивал принимать «для укрепления нервов», раздражении после семейных ужинов. Потом шли заметки о том, что после некоторых вечерних напитков Рейнар наутро не помнил разговоров. Еще — о приступах после приема лекарств, а не до них. О том, что слабость в ногах усиливалась

именно в те дни, когда он пытался больше двигаться. И о том, что тетка всякий раз становилась необычайно ласковой, когда состояние хозяина снова ухудшалось.

Очень интересная семья.

Я перевернула еще несколько страниц — и нашла фразу, написанную с нажимом, так, что перо почти прорвало бумагу:

«Если со мной что-то случится, искать надо не болезнь, а того, кому выгодно, чтобы домом управляли через постель Рейнара, а не через самого Рейнара».

Я подняла глаза.

Он смотрел на тетрадь, а не на меня.

— Она знала, — сказала я.

— Она подозревала.

— И умерла после этого?

— Через три недели.

— Как?

Рейнар провел пальцами по странице, словно едва сдерживался, чтобы не смять бумагу.

— Сказали, лихорадка. Быстрое воспаление. Орин уверял, что сделать было ничего нельзя.

Я закрыла тетрадь.

— И вы поверили?

— Тогда — да.

— А потом?

— Потом у меня начались мои приступы.

Мы молчали несколько секунд. Достаточно, чтобы все детали сложились в неприятную, но уже слишком ясную линию. Элиза заметила схему. Элиза умерла. После этого начал сдавать сам Рейнар. Не сразу под нож. Не прямо. Намного умнее.

Я вернулась к шкафу и вытащила еще одну тетрадь. Эта была уже не женская — техническая, сухая, со списками дозировок и краткими пометками о реакции пациента. Кто-то вел параллельный журнал. Неофициальный. Без подписи. Но с понятной логикой: сколько дать, когда усилить, в какой день после нагрузки увеличить ночной настой. Почерк незнакомый, но несколько букв подозрительно напоминали записи в медицинской книжке с общего столика.

— Орин, — сказала я.

— Уверены?

— Почерк можно менять, привычки — сложнее. И потом, кому еще нужно было вести тайный журнал дозировок отдельно от красивой версии для семьи?

Я перевернула страницу и похолодела.

Там была запись трехдневной давности.

«После церемонии брак завершен. Увеличить вечерний объем вдвое на случай чрезмерной активности милорда. Жена должна быть введена в курс постепенно. При сопротивлении — успокаивающий настой».

Я перечитала строку второй раз, медленнее. Потом третий.

— Вот суки, — сказала я спокойно.

Рейнар поднял голову.

— Что?

Я подошла и протянула ему тетрадь открытой на нужной странице. Он пробежал глазами несколько строк. На мгновение его лицо стало таким неподвижным, что я почти испугалась не гнева, а той точности, с которой человек может в этот момент начать убивать.

— Значит, жена должна была быть «введена в курс»? — спросил он тихо.

— Похоже, вас собирались спокойно продолжать глушить уже при официальной сиделке с кольцом на пальце. А если бы я заартачилась, меня бы тоже сделали удобнее. Настояем. Очень семейно.

Он отложил тетрадь на колени и некоторое время ничего не говорил.

Потом спросил:

— Вы все еще хотите утверждать, что это не болезнь?

— Нет. Это именно болезнь. Просто не ваша. Болезнь власти, которая слишком долго жила без сопротивления.

В дверь постучали.

Я мгновенно закрыла шкаф и сунула тетради под нижнюю полку, оставив снаружи только обычные коробки с флаконами. Ключ спрятала в рукав быстрее, чем кто-либо успел бы заметить.

— Кто? — спросил Рейнар.

— Завтрак, милорд, — отозвался мужской голос.

— Войдите.

В комнату вошел лакей с подносом: каша, яйца, хлеб, чашка чая. Все выглядело безупречно. Даже слишком. Он поставил поднос на столик и уже собрался уйти, когда я остановила его:

— Стойте.

Он замер.

— Кто готовил чай?

— Кухня, миледи.

— Кто принес его от кухни сюда?

— Я, миледи.

— С момента, как чай налили, его кто-то трогал?

— Нет, миледи.

Врет или просто боится. Не определить сразу.

Я подошла, понюхала чашку. Обычный крепкий аромат. Без явной сладкой маскировки. Пока оставим.

— Теперь запомните, — сказала я. — Все, что подают милорду, сначала ставят на стол, а потом ждут, пока я посмотрю. Если кто-то будет очень спешить засунуть ему что-то в рот без меня, первым объясняться он будет не с леди Марвен, а со мной. Поняли?

Лакей сглотнул.

— Да, миледи.

— И еще. Книжки, записки, шкафы и ящики в этой комнате без моего ведома никто не трогает.

Он бросил быстрый взгляд на Рейнара. Тот произнес лениво, почти устало:

— Делайте, как сказала моя жена.

Прекрасно.

Лакей ушел.

Я закрыла за ним дверь и обернулась.

— Теперь ешьте.

— Это тоже приказ?

— Нет. Это момент, когда я хочу посмотреть, насколько у вас дрожат руки после ночи без настоя.

— Вы удивительно романтичны.

— Терпите.

Я придвинула к нему поднос и отметила, что аппетит у него есть. Не зверский, но для тяжелого лежачего пациента слишком живой. Еще одна трещина в официальной версии.

Пока он ел, я разложила на столе несколько пустых ампул и пузырьков. На стекле некоторых оставались следы осадка. Один пах той же горькой корой, второй — сладким дурманом, третий почти ничем, и это бесило меня сильнее всего. Самые опасные вещи всегда стараются сделать безликими.

— У вас бывают настоящие боли? — спросила я.

— Настоящие?

— Те, что не объясняются отменой дряни. Судороги. Резкие спазмы. Прострелы. Потеря чувствительности.

Он задумался.

— Иногда жжет позвоночник. Иногда немеет правая ла-

донь. Бывают дни, когда будто все тело деревянное. Но сильнее всего — эта проклятая вата в голове. После нее я сам себе не доверяю.

— Вот на нее я и хочу посмотреть без помощи ваших добрых родственников.

— И как?

— Пару дней наблюдения. Чистая схема. Ни одной лишней инъекции. Нормальная еда. Вода. Свет. Движение в пределах возможного. И люди в комнате только тогда, когда я разрешу.

Он хмыкнул.

— Вы собираетесь устроить переворот с помощью графика приема жидкости и прогулок?

— Самые неприятные перевороты всегда начинаются с того, что жертва вдруг перестает лежать там, где ее положили.

Он закончил завтрак, отложил ложку и устало прикрыл глаза. Не потерянно. Не обмякнув. Просто организм снова платил за усилия.

Я смотрела на него и думала не о мужчине. Пока еще не о мужчине. О клинической задаче с очень неприятным человеческим фоном. Кто-то убрал первую жену, когда она стала слишком внимательной. Кто-то пытался превратить самого хозяина дома в управляемую тень. Кто-то заранее рассчитывал, что новая жена будет либо послушна, либо достаточно одурманена, чтобы не мешать.

Очень жаль для них.

Я снова открыла шкаф, достала тетрадь Элизы и бережно провела пальцами по корешку.

— Я заберу это к себе.

— Зачем?

— Чтобы переписать главное и спрятать в другом месте. Если они заметят пропажу здесь, начнут метаться. Если найдут все сразу у меня, попытаются сделать из меня истеричку раньше времени.

— Вы хорошо понимаете, как здесь все устроено.

— Нет. Я просто неплохо знаю людей, которые называют контроль заботой.

Он смотрел на меня молча, пока я складывала тетради в тканевый чехол из-под запасного белья. Потом спросил:

— Почему вы все еще здесь?

Вопрос прозвучал странно. Не как романтическое «почему ты не ушла». И не как благодарность. Скорее как недоверие к самому факту моего присутствия.

Я не стала притворяться, будто не поняла.

— Потому что вчера меня притащили сюда как часть чьей-то схемы, — сказала я. — А я очень не люблю, когда мной пользуются вслепую. Особенно если рядом кто-то уже умер, заметив слишком много.

— Это не ответ.

— Хорошо. Еще потому, что ваш случай меня злит.

— И снова не ответ.

Я подняла на него взгляд.

— Потому что если я сейчас уйду, вас вернут в кресло, в постель и в туман. А я уже увидела слишком много, чтобы потом спокойно спать.

Он долго молчал.

Потом едва заметно кивнул.

Не как человек, который поверил. Как человек, который решил пока не спорить с тем, что ему дают шанс.

Снаружи слышались торопливые шаги. Потом — голос Миры. Взволнованный.

— Миледи! Миледи, вас ищут внизу. Леди Марвен велела...

Я открыла дверь прежде, чем она договорила.

Мира стояла бледная, с прижатыми к груди руками.

— Что случилось?

— Леди Марвен сказала, что вас ждут в малой гостиной. Срочно. И... и мастер Орин тоже там.

Я усмехнулась.

— Неужели. Уже не терпится обсудить мое дурное влияние на интерьер дома?

Мира моргнула, явно не поняв.

Я сунула чехол с тетрадями под подол верхней юбки, так чтобы их не было видно, и обернулась к Рейнару.

— Никого не впускать. Ничего не пить. Если начнется спектакль с внезапной заботой — зовите меня, даже если я в другом конце этого мавзолея.

— Мавзолея?

— У вашего дома очень похоронное настроение.

— А у вас очень опасная манера уходить с уликами под юбкой.

— Зато практичная.

Я уже шагнула к двери, когда он сказал:

— Будьте осторожны.

Я обернулась.

Он произнес это без нежности, без просьбы, без лишнего выражения. Почти сухо. Но именно поэтому фраза звучала честно.

— Я не осторожная, — ответила я. — Я злая. Это иногда полезнее.

И вышла из комнаты с очень ясным ощущением.

В его покоях пахло не смертью.

В его покоях пахло долгой, грамотно выстроенной попыткой спрятать преступление за словами «лечение», «забота» и «семейное дело».

А такие вещи я терпеть не умею профессионально.

Глава 6. Мой муж открыл глаза в ту ночь, когда никто не должен был видеть его живым

Малая гостиная находилась в западной части дома и пахла дорогим чаем, полированным деревом и той разнообразностью напряжения, которую богатые люди почему-то всегда считают хорошим воспитанием. Меня уже ждали.

Леди Марвен сидела у камина с прямой спиной и лицом женщины, привыкшей решать чужие судьбы не повышая голоса. Орин стоял у окна, заложив руки за спину, и смотрел так, будто заранее приготовил для меня три вежливые угрозы и одну очень скользкую заботу. На столике между ними были чайник, две чашки и третья, пустая, поставленная для меня. Как мило. Даже давить на женщину здесь предпочитали с сервировкой.

— Какой трогательный прием, — сказала я, входя. — Надеюсь, это не попытка убедить меня, что вчерашняя свадьба все-таки была праздником.

Марвен не предложила мне сесть. Отлично. Я и не собиралась давать ей это удовольствие — принять ее правила гостеприимства как данность. Сама подошла к креслу напротив, села и положила ладони на подлокотники так, будто это мой дом, а не ее любимый театр контроля.

— Вы быстро осваиваетесь, — произнесла она.

— Вы быстро нервничаете, — ответила я. — А мы ведь знакомы всего ничего.

Орин отвернулся от окна и шагнул к столу.

— Леди Эстер...

— Нет, — перебила я. — Эта ошибка у вас уже начинает повторяться. Если хотите обращаться ко мне, делайте это без того имени, под которым меня сюда привезли. Оно здесь и так уже слишком многим удобно.

Марвен прищурилась.

— Вы всерьез решили продолжать этот нелепый спектакль с «проснулась не та»?

— А вы всерьез решили, что я буду облегчать вам жизнь, соглашаясь на вашу версию происходящего?

— Вы ведете себя опасно.

— Для кого?

Орин вмешался мягче:

— Для лорда, прежде всего. Сегодня утром вы уже нарушили назначенную схему, а теперь еще и провоцируете его на лишнюю активность. Вам трудно понять степень риска, потому что вы не видели, в каком состоянии он был последние месяцы.

— Я как раз вижу, в каком состоянии он был после ваших последних месяцев, — сказала я. — И мне это не нравится.

— Потому что вы не понимаете природу болезни.

— Тогда просветите меня. Только без красивых туманных

формулировок вроде «нервное истощение» и «сложный период». Я хочу услышать, что именно вы лечите, чем, в каких дозах и по какой логике его состояние улучшается ровно настолько, чтобы не умереть, и ухудшается всякий раз, когда он пытается встать на ноги.

Орин улыбнулся. Ненавижу такие улыбки у врачей. Они появляются, когда человек прикрывает профессиональной интонацией отсутствие честного ответа.

— Миледи, — сказал он, — есть вещи, которые требуют образования.

— Есть. Именно поэтому меня так раздражает ваша работа.

Марвен поставила чашку на блюде с тихим звоном.

— Достаточно. Мы позвали вас не для спора, а чтобы расставить границы.

— Опять? Поразительно, как много времени в этом доме уходит на попытки объяснить женщине ее место вместо того, чтобы заняться реальными проблемами.

— Ваше место, — произнесла она медленно, — рядом с мужем, в тишине, в заботе и без вмешательства в вопросы управления домом и лечения.

— То есть красиво молчать у кровати, пока вы решаете, сколько еще он должен быть удобным?

Ее пальцы сжались на чашке.

— Я начинаю сомневаться, — сказала Марвен, — что вы в принципе способны понимать доброе отношение.

— А я уже не сомневаюсь, что вы называете добрым отношением все, что никому не мешает.

Орин подался чуть вперед.

— Миледи, я скажу прямо. Если сегодня к вечеру милорду станет хуже после самовольной отмены настоя, ответственность будет на вас.

— Прекрасно. Тогда и улучшение тоже будет на мне.

— Вы слишком легкомысленны.

— Нет. Это вы слишком долго работали в доме, где никто не сверял ваши слова с реальностью.

Марвен поднялась. Плавно, без лишней резкости. Самые опасные женщины всегда двигаются так, будто и ярость у них тоже воспитанная.

— Я дам вам один совет, — сказала она. — Не путайте новое положение с властью. Вас привели сюда не для того, чтобы вы что-то меняли.

Я тоже встала.

— Вот именно это в вашей семье мне особенно нравится. Вы постоянно произносите вслух то, что нормальные люди стараются скрывать хотя бы из приличия.

Она подошла ближе.

— Вы не знаете, на что способны, если перестанете быть удобной.

Я посмотрела ей прямо в глаза.

— Ошибаетесь. Я слишком хорошо знаю, на что способны такие, как вы. Именно поэтому и не собираюсь быть удобной.

Тишина стала плотной. Орин понял, что разговор уже не спасти ни мягкостью, ни профессиональным тоном, и сменил тактику.

— Ладно, — произнес он. — Оставим характер. Поговорим о фактах. Лорд перенес сильнейшее нервное потрясение после смерти жены. На этом фоне начались приступы, мышечная слабость, нарушения сна, эпизоды спутанности сознания. Несколько раз он падал. Один раз потерял речь почти на сутки. Дважды не узнавал людей. И да, если хотите знать, без моей схемы он действительно мог бы давно умереть.

Я слушала внимательно. Не слова. Структуру лжи.

— Когда был первый эпизод потери речи? — спросила я.

— Весной.

— После какого препарата?

Он на долю секунды замолчал.

— Это некорректный вопрос.

— Нет, это как раз единственный корректный вопрос во всем этом доме.

— Приступы не зависят от препарата.

— Тогда вы легко сможете показать мне все записи по дням и дозировкам.

— Не все бумаги касаются вас.

— Касаются. После вчерашней свадьбы — очень даже.

Марвен снова вмешалась:

— Вы намеренно раздуваете конфликт.

— Нет. Я просто не люблю, когда мне врут в медицинской части. В личной, кстати, тоже.

Орин поставил ладонь на спинку кресла. Длинные пальцы, чистые ногти, ровное дыхание. Человек держал себя прекрасно. Слишком прекрасно для того, кто уверен в своей правоте. Обычно искренне правые люди злятся свободнее.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Допустим, вы хотите доказательств. Вы их получите. Я покажу вам часть записей после ужина. Но при одном условии: никакой самовольной отмены дневной схемы. И сегодня вечером милорд принимает хотя бы половину дозы.

— Нет.

Он даже не сразу понял.

— Простите?

— Нет. Ни половины. Ни четверти. Ни капли. Пока я не пойму, чем вы держите его в том состоянии, которое вам так нравится.

Марвен уже не пыталась изображать светскую сдержанность.

— Вы ведете себя как дура, которой впервые дали иллюзию власти.

Я улыбнулась.

— Наконец-то что-то честное.

Она шагнула так резко, что юбка хлестнула воздух.

— Я предупреждала тебя, Орин. Она слишком быстро стала проблемой.

Вот так. Без «миледи». Без масок. Приятно, когда люди в нужный момент сами снимают с себя приличия.

— А я предупреждала себя, — сказала я, — что в этом доме меня попытаются сначала приструнить, потом запугать, а если не выйдет — объявить безумной. Вы удивительно предсказуемы.

Орин поднял руку, останавливая Марвен не словом, а привычкой. Значит, между ними давно распределены роли: она давит, он смазывает последствия.

— Давайте иначе, — произнес он. — Вы получили брак, крышу, имя рода и доступ к тому положению, о котором женщина вашего происхождения не могла бы мечтать.

Я даже не села. Просто посмотрела на него сверху вниз так, словно он только что добровольно расписался в собственной мерзости.

— Знаете, мастер Орин, люди вроде вас всегда ошибаются в одном. Вы уверены, что если женщине подсунуть красивую клетку, она обязана начать называть решетку украшением.

Он побледнел. Совсем слегка. Но я увидела.

— Вы неблагодарны, — сказал он.

— Нет. Я просто умею отличать подарок от сделки, где меня заранее посчитали расходом.

Марвен отвернулась к камину, словно еще секунда — и она швырнет в меня чайником. Жаль. Было бы хоть какое-то разнообразие.

— Можете идти, — произнесла она холодно. — Но не обо-

лычайтесь. Дом не станет жить по вашим правилам.

Я взяла со столика пустую чашку, понюхала ее и поставила обратно.

— Дом, может быть, и нет. А вот его больной хозяин уже начал.

И вышла раньше, чем они нашли бы новую форму угрозы. В коридоре меня ждала Мира. Лицо у нее было блее обычного.

— Госпожа...

— Что?

— В восточном крыле опять были слуги. Много. И леди Марвен посылала туда свою камеристку.

Я остановилась.

— Когда?

— Пока вы были здесь.

— Кто входил к милорду?

— Я не знаю. Дверь закрывали.

Я уже шла быстрее, чем требовали приличия. Подол темного платья цеплялся за ковер, в висках начинало неприятно стучать. Если они решили обойти меня через прислугу, я слишком рано переоценила их сдержанность. А это значит, либо у них дрогнули нервы, либо ночью без настоя Рейнар показался им опаснее, чем хотелось.

— Госпожа... — Мира почти бежала следом. — Может, позвать кого-то?

— Кого? Еще одного человека, который скажет мне быть

благодарной? Не надо.

Галерея восточного крыла встретила меня тишиной. Слишком аккуратной. Такой, какая бывает после поспешной суеты, которую уже успели спрятать, но не успели забыть. У двери в спальню Рейнара никого не было.

Я распахнула створку без стука.

Комната оказалась пуста.

Кровать смята. Кресло у окна сдвинуто. На полу у письменного стола — разбитый стеклянный пузырек, тонкая лужица прозрачной жидкости и резкий сладковатый запах, от которого у меня мгновенно сжалась челюсть.

— Черт.

Я шагнула к столу и увидела следы борьбы не в привычном смысле — не перевернутую мебель и не кровавый хаос, — а в мелочах. Сдвинутый подсвечник. Упавшая салфетка. След от ладони на краю столешницы, будто кто-то резко оперся, потеряв равновесие. И главное — дверь в смежную комнату, которую раньше держали закрытой, теперь была приоткрыта.

Я вошла туда и сразу увидела его.

Рейнар лежал поперек узкой кушетки, в той самой комнате, где, по словам слуг, ночевали сиделки. Он был без сознания.

Нет, не так.

Не в обычном сне. Не в истощении. В той опасной, чужой неподвижности, когда организм не отдыхает, а проваливает-

ся куда-то, где ему очень удобно ничего не решать самому.

Я подлетела к нему, едва не сшибая табурет. Пульс — есть. Быстрый. Неровный. Дыхание поверхностное, но не срывающееся. Зрачки сужены сильнее нормы. На внутренней стороне предплечья — крохотная красная точка. Свежий укол.

Меня обожгло такой яростью, что на секунду даже стало спокойно.

— Мира! — крикнула я, не оборачиваясь. — Воду. Чистую. И никого сюда не пускать.

— Госпожа...

— Никого. Даже если это будет сама леди Марвен с крыльями за спиной.

Мира исчезла.

Я быстро осмотрела комнату. На подоконнике — пустой шприц с металлическим корпусом. Использованный. Не мой. Сволочи даже не пытались сделать вид, будто ничего не было.

Я взяла его двумя пальцами, приняухалась. Сладость, почти незаметная за спиртовым следом. Тот же принцип, что в вечернем настое, только сильнее и быстрее. Значит, решили не уговаривать.

— Очень умно, — сказала я вслух, хотя в комнате меня никто не слышал. — Очень. Просто великолепно.

Рейнар не шевелился. Только под веками едва заметно дрожали глаза — признак того, что сознание не ушло дале-

ко, его просто резко и грубо утопили.

Я растерла ему запястья, потом приподняла голову, проверила дыхательные пути, ослабила ворот рубашки. Не хватало еще, чтобы их «забота» закончилась здесь аспирацией или остановкой дыхания, и потом мне же рассказывали бы о трагическом срыве больного.

Когда Мира влетела с тазом воды и полотенцем, у нее тряслись руки.

— Что с ним?

— С ним сделали то, что в этом доме называют лечением,
— ответила я. — Держи кувшин. И если увидишь кого-то в коридоре, запоминай лица.

— Может, послать за мастером Орином?

Я подняла на нее взгляд.

Иногда одного взгляда достаточно, чтобы человек сам понял, какую глупость только что сказал.

Мира побледнела и замотала головой.

Я намочила полотенце, провела по шее Рейнара, по вискам. Не потому что это чудесно выводит из медикаментозного оглушения — чудес вообще не бывает, — а потому что нужен был любой контролируемый раздражитель. Потом осторожно похлопала его по щеке.

— Рейнар. Слышите меня?

Никакой реакции.

— Рейнар.

На третий раз его ресницы дрогнули сильнее. Губы едва

заметно шевельнулись. Я наклонилась ниже.

— Не смейте уходить туда, куда вас так настойчиво толкают, — сказала я тихо. — Мне и так уже слишком хочется здесь всех перебить.

Мира издала странный звук, будто не поняла, шутка это или нет. Правильно. Лучше не понимать.

Я снова проверила укол на руке. Сделано недавно, аккуратно и уверенно. Значит, либо Орин сам, либо кто-то из тех, кого он обучил колоть без лишних мыслей. Но зачем именно сейчас? Чтобы наказать за ночь без настоя? Чтобы проверить, насколько быстро я замечу? Чтобы вернуть прежний контроль до того, как я успею вытащить из комнаты тетради?

Тетради.

Я резко выпрямилась и метнулась обратно в основную спальню. Чехол с записями лежал там, где я оставила его за ширмой. Не успели. Отлично. Значит, цель была не в бумагах. Цель была в нем.

Вернувшись, я увидела, что Рейнар слегка повернул голову. Уже что-то.

— Вот так, — сказала я, опускаясь рядом. — Давайте. Я знаю этот тип дряни. Она любит тех, кто сдается. Не доставляйте им такого удовольствия.

Его веки дрогнули. На этот раз сильнее. Глаза открылись не сразу — сначала узкая щель, потом еще. Взгляд был мутный, злой и совершенно не понимающий, где он.

— Кто... — голос сорвался.

— Та женщина, которую вы имели глупость вчера назвать своей женой, — ответила я. — И, как видите, это оказалось для вашего дома очень неудобно.

Он попытался подняться. Я прижала ладонь к его плечу.

— Даже не думайте.

— Что... было?

— Вас укололи. Пока я внизу слушала, как мне объясняют мое место.

Его зрачки едва заметно сузились. Сознание возвращалось через грязный туман, но быстрее, чем рассчитывали те, кто его в этот туман отправлял.

— Кто?

— Сейчас меня интересует не «кто», а «зачем так срочно». Но список подозреваемых, как ни странно, очень короткий.

Он закрыл глаза на секунду, словно собирая себя изнутри обратно. Потом спросил почти шепотом:

— Вы успели... взять тетради?

Я посмотрела на него внимательно.

Даже сейчас. Даже в таком состоянии. Не «что со мной», не «что они сделали», а тетради.

— Успела. Они в безопасности.

Угол его рта дернулся. Не улыбка. Просто мышца вспомнила, что хозяин жив.

— Хорошо.

— Ничего хорошего. Но приятно, что у вас есть приори-

теты.

Мира стояла у двери, вжавшись спиной в стену и глядя на нас так, будто прямо сейчас в доме сдвинулось что-то, чего она давно боялась. Наверное, так и было.

Я помогла Рейнару сесть. Очень осторожно. Голова у него тут же качнулась, дыхание сбилось, но он удержался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.